

Ирэн Весёлая

Липовый муж медовой королевы

The book cover features a central illustration of a woman with blonde hair, wearing a gold-colored, long-sleeved, V-neck dress with a wide belt. She is standing in a garden with several wooden beehives and bees. In the background, a man in a light blue shirt and dark pants is leaning against a grey wall. The title is written in a large, elegant, gold-colored script font across the bottom half of the cover.

Липовый муж медовой королевы

Развод в 55

Ирэн Весёлая

Ирэн Весёлая

Развод в 55. Липовый муж медовой королевы

<https://litres.ru/74469162>

Аннотация

— Скажи ей правду, Игнат! — голос моей дочери, моей Любочки, дрожит от страсти. — Нина растёт, она — твоя копия. Ты не отчим ей и уж не дед, ты отец! Хватит играть в «идеальную семью» с моей матерью! — Тише, Люба, — шипит мой муж, с которым мы прожили пятнадцать лет. — Полина ничего не должна заподозрить. Она — хозяйка пасеки, на ней всё держится. Ещё немного потерпи, и всё это будет нашим...

Я стою за тонкой стеной омшаника, и мир, который я строила по кирпичику, превращается в пепел. Мой муж и моя единственная дочь предали меня. Моя внучка, которую я качала на руках, оказалась плодом их грязной измены.

В пятьдесят пять лет я думала, что достигла берега. Оказалось — я стою на краю пропасти. Но они зря думают, что я сломаюсь. Я выжгу эту боль, обнесу свой дом бетонным забором и вычеркну их из жизни.

В этой истории вас ждут: Двойной удар: предательство мужа и взрослой дочери. Героиня со стержнем: Полина Зотова не прощает, она вычеркивает. Наказание «липового» мужа:

медленная и честная расплата за ложь. Взрослая любовь 40+: Максим — мужчина, за которым хочется пойти на край света. Атмосфера деревни: запахи трав, жужжание пчел и холодный бетон забора. Хэппи-энд: заслуженный, выстраданный и очень сладкий.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3(Игнат)	25
Глава 4	32
Глава 5	43
Глава 6	53
Глава 7	62
Глава 8	73
Глава 9	84
Глава 10	97
Глава 11	105
Глава 12	113
Глава 13(Игнат)	122
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Глава 1

Солнечный луч пробился сквозь плотные льняные шторы, расчертив нашу спальню золотыми полосами. Я проснулась за несколько минут до будильника — привычка, выработанная десятилетиями жизни «на земле». В пятьдесят пять тело работало как швейцарские часы: ни лишнего веса, ни утренней разбитости. Только приятная тяжесть в мышцах и осознание того, что сегодня — мой день.

Рядом мерно дышал Игнат. Его тяжелая, теплая рука покоилась на моем бедре, собственнически прижимая к себе даже во сне. Я осторожно повернула голову, любуясь его профилем. В сорок пять он выглядел потрясающе: загар, который не смывался даже зимой, седина, лишь благородно подернувшая виски, и та самая уверенная складка между бровей, в которую я влюбилась пятнадцать лет назад.

Тогда, в сорок, я думала, что моя жизнь — это выжженное поле после развода с первым мужем. Но появился Игнат. Молодой, дерзкий, с мозолистыми руками и голодным блеском в глазах. Я вытащила его из серости, дала цель, статус, дело. Я вылепила из него хозяина пасеки, и за эти пятнадцать лет он стал моей главной гордостью. Моим трофеем. Моей крепостью.

Я осторожно высвободилась из-под его руки, стараясь не разбудить. Сегодня у нас двойной праздник — мой юбилей и

наша хрустальная свадьба. Впереди был длинный день, полный гостей, тостов и поздравлений, но первый час я всегда оставляла себе.

Босиком, накинув шелковый халат цвета жженого сахара, я вышла на веранду. Воздух в «Светлых Ключах» можно было пить вместо завтрака — густой, настоящий на хвое и липовом цвете. Июль в этом году выдался медовым.

Я спустилась по ступеням и пошла по росистой траве к пасеке. Моя «Золотая сота» — империя, построенная на женском упрямстве и мужской силе. Двести ульев, выстроенных ровными рядами, уже начинали оживать. Низкое, вибрирующее гудение заполняло пространство, проникая в грудную клетку. Это был звук самой жизни.

Пчелы не любят суеты и страха. Они чувствуют твой запах, твой пульс. Я подошла к контрольному улью, не надевая сетки. Мои девочки знали меня. Я провела рукой по теплomu дереву. Запах прополиса, воска и того особенного аромата, который источает только здоровый улей, успокаивал лучше любого вина.

— Ну что, труженицы, — прошептала я, наблюдая, как первые пчелы вылетают за взятком. — Сегодня у нас большой день. Не подведите.

Я проверила весы — привес за ночь был отличный. Липа в этом году отдавала нектар щедро, как никогда. Если так пойдет и дальше, мы перекроем все прошлогодние рекорды. Игнат вчера весь вечер считал возможную прибыль, его глаза

горели тем самым азартом, который я так в нем ценила. Он всегда был жадным до жизни, до успеха. Я думала — это наше общее качество.

Вернувшись в дом, я застала там уже начавшуюся суету. Из района приехал кейтеринг — Игнат настоял, чтобы в этот день я не подходила к плите. Молодые девчонки в белых фартуках расставляли столы в саду, под сенью старых яблонь.

— Полина Сергеевна, скатерти льняные или атлас? — подбежала ко мне старшая, Катя.

— Лен, Катенька. Только лен. У нас здесь всё должно дышать природой, — я улыбнулась, чувствуя себя настоящей королевой этого маленького королевства.

Игнат появился на кухне, когда я уже варила кофе. Он подошел сзади, обхватил меня за талию и зарылся лицом в мои волосы на затылке.

— С днем рождения, Королева, — его голос был низким, с той самой хрипотцой, от которой у меня до сих пор бежали мурашки по коже.

— Спасибо, Игнат. Ты встал рано, — я повернулась в его руках, поправляя воротник его домашней футболки.

— Разве я мог проспать такой день? Пятнадцать лет, По-

ля. Пятнадцать лет я не могу поверить, что ты выбрала меня. Обычного парня с большой дороги.

— Ты не обычный, — я коснулась губами его щеки. — Ты лучший. Мой Игнат.

Он посмотрел на меня как-то особенно пристально, на мгновение мне показалось, что в его глазах промелькнула тень — не то вина, не то странное возбуждение. Но он тут же улыбнулся, обнажив ровные белые зубы.

— Сегодня я приготовил тебе сюрприз. Вечером, при гостях. Тебе понравится.

— Опять тратишь деньги на пустяки? — притворно нахмурилась я. — Нам нужно обновлять линию по разливу меда в августе...

— Поля, хоть сегодня забудь о производстве! — он рассмеялся и легонько щелкнул меня по носу. — Сегодня ты просто Женщина. Моя женщина. И я хочу, чтобы ты сияла.

К одиннадцати часам жара начала припекать. Дом был наполнен ароматами запеченного мяса, свежей зелени и цветов. Я поднялась на второй этаж, в мансарду, чтобы проверить гостевую комнату. К полудню должна была приехать Люба с внучкой Ниной.

Люба... Моя боль и моя радость. Моя единственная дочь

от первого брака. В свои тридцать она всё еще казалась мне подростком — ершистая, вечно недовольная, ищущая себя. Последние годы мы общались короткими перебежками. Она жила в городе, пыталась строить карьеру, пока не забеременела пять лет назад. Кто отец Ниночки, она так и не сказала, отрезала: «Случайная связь, не лезь, мама». Я и не лезла. Помогла купить ей дом здесь же, в Светлых Ключах, через забор от нас. Думала — так ей будет легче, я всегда рядом, Игнат поможет по мужской части. Но она приезжала сюда редко, в основном на выходные, я понимала, ведь у нее работа..

Комната в мансарде была готова: свежее белье с запахом лаванды, на столе ваза с садовыми розами. Я подошла к кровати, чтобы поправить покрывало, и мой взгляд зацепился за что-то блестящее под прикроватной тумбочкой.

Я наклонилась и достала небольшую вещицу. Это была заколка — изящный «краб», украшенный мелкой эмалью и стразами. Дорогая штучка, явно не из тех, что продаются в нашем сельмаге.

Я покрутила её в руках. Странно. Я такие заколки не ношу — предпочитаю либо шпильки, либо тяжелые заколки из дерева. У горничных, которые приходят убираться, волосы подрезаны коротко.

«Наверное, Любина», — мелькнула мысль. Дочь была здесь месяц назад, когда я уезжала на выставку в Москву, а Игнат оставался «на хозяйстве». Она заходила на пару часов,

пока он чинил ей в доме проводку — Игнат сам об этом говорил.

Я вспомнила Любу — её вечные джинсы, растянутые свитшоты, полное отсутствие интереса к украшениям. Когда она успела обзавестись такой кокетливой вещицей? Хотя... тридцать лет — возраст перемен. Может, наконец-то нашелся кто-то, ради кого захотелось украсить волосы?

Я положила заколку на комод, на самое видное место. В груди на мгновение кольнуло — странное, необоснованное чувство тревоги. Будто кто-то чужой прошел по моему дому, оставив едва заметный, но липкий след. Но я тут же отогнала эту мысль. Сегодня не время для подозрений и мнительности. Сегодня праздник.

Спустившись вниз, я увидела Игната. Он стоял у окна в гостиной и разговаривал по телефону. Заметив меня, он резко оборвал фразу:

— Да, всё понял. Ждем.

— Кто это? — спросила я, поправляя вазу на камине.

— А, да это... Алеша, сосед. Спрашивал, нужно ли помочь с дровами для мангала. Я сказал, что кейтеринг сам справится, — Игнат улыбнулся, но его пальцы нервно постукивали по корпусу телефона.

Алеша? Тот молчаливый парень, который обычно слова

лишнего не скажет? С чего бы ему звонить по поводу дров именно сейчас?

— Странно, — заметила я. — Он обычно сам заходит, если что нужно.

— Ну, юбилей же, — пожал плечами Игнат. — Видимо, решил соблюсти этикет. Поля, ты уже переодеваешься? Гости начнут прибывать через час.

Я кивнула, но внутреннее беспокойство не проходило. Оно было как точечная боль — маленькое, но назойливое.

Я пошла в ванную, включила прохладную воду. Отражение в зеркале успокаивало. Плотная, ухоженная кожа, минимум морщин, глаза, в которых светился опыт и уверенность. Я выглядела на сорок пять, максимум. Игнат всегда говорил, что я — его лучшая инвестиция. В такие моменты я верила ему безоговорочно.

Когда я вышла на веранду, надев летящее платье из тяжелого шелка цвета липового меда, машина Любы уже парковалась у калитки.

Воздух стал тяжелым, давящим. Пчелы на пасеке вдруг сменили тональность — ровный гул превратился в нервное, резкое жужжание. Мои девочки чувствовали грозу задолго до того, как на горизонте появлялось первое облако.

Игнат вышел на крыльцо следом за мной. Он положил руку мне на талию, и я почувствовала, как его ладонь слег-

ка подрагивает. Он поправил свою прическу, глубоко вздохнул, расправил плечи. В этом жесте было столько нетерпения, столько странного ожидания, что я невольно покосилась на него.

— Наконец-то, — выдохнул он, и в его голосе прозвучало нечто такое, от чего у меня похолодело внутри. Не радость отца, встречающего дочь. Не вежливость отчима. Это было предвкушение хищника, почуявшего добычу.

Люба вышла из машины, поправляя солнцезащитные очки. Яркая, слишком накрашенная для нашего села, в коротком платье, которое больше открывало, чем скрывало. Следом за ней выпорхнула маленькая Нина, зажимая в руке потрепанного медвежонка.

— Привет, мам! — крикнула Люба, но её взгляд прошел мимо меня, впиваясь в Игната. — С днем рождения! Извини, мы чуть не опоздали.

Игнат сделал шаг вперед, спускаясь по ступеням. Его походка изменилась — стала пружинистой, молодецкой. Он шел навстречу моей дочери, и я вдруг поняла, что за все пятнадцать лет никогда не видела его таким... включенным.

Я осталась стоять на веранде, чувствуя, как солнце продолжает палить, но мне почему-то стало невыносимо холодно. Золотой день моего юбилея начал подергиваться серым пеплом, хотя я еще не понимала, почему.

Пчелы в саду сорвались с цветов и начали кружить у самой земли. Гроза была уже близко. Совсем близко.

— Бабуля! — Нина подбежала ко мне, обнимая за колени.
— Смотри, какие у меня туфли!

Я посмотрела вниз. На ножках пятилетней внучки сияли лаковые туфельки, украшенные крошечными стразами. Точно такими же, как на той заколке, что лежала сейчас на комодке в мансарде.

— Очень красивые, Ниночка, — голос мой прозвучал как чужой. — Откуда они у тебя?

— Папа Игнат купил! — радостно выпалила девочка, но тут же прижала ладошку ко рту, испуганно глянув на мать.
— Ой. Мама сказала, это секрет.

Люба, стоявшая уже у самых ступеней рядом с моим мужем, резко побледнела. Игнат на мгновение замер, его спина окаменела.

В тишине, наступившей после слов ребенка, было слышно только, как в лесу закричала какая-то птица — резко, надрывно. А потом небо над «Золотой сотой» расколол первый, еще далекий раскат грома.

Я посмотрела на мужа, на дочь, на сияющие туфли внучки. В голове набатом билась одна фраза: «Папа Игнат купил». Пять лет назад я думала, что Люба скрывает отца ребенка из гордости. Теперь я начинала понимать, что дело было совсем в другом.

— Проходите в дом, — сказала я, отступая в тень веранды. — Гости скоро будут. Нам нужно подготовиться.

Игнат не смотрел мне в глаза. Он подхватил Нину на руки и быстро пошел к дверям, стараясь казаться обычным, заботливым дедом. Но я видела, как побелели костяшки его пальцев, вцепившихся в платице девочки.

Юбилей начался. И я чувствовала, что этот праздник станет последним днем моей прежней, такой удобной и «золотой» жизни. Мед закончился. Начиналось время жала.

Глава 2

Слова Нины повисли в раскаленном полуденном воздухе, словно капли смолы, готовые вот-вот вспыхнуть. «Папа Игнат». В нашем селе детей с малых лет учили уважать старших, и обращение «дядя» было нормой для отчима, но «папа»... Это слово резануло меня по живому, как зазубренное лезвие пасечного ножа.

Игнат замер на нижней ступени веранды, так и не выпустив из рук сумку Любы. Его широкие плечи, которыми я так гордилась, вдруг сутулились, а затылок пошел некрасивыми красными пятнами. Он не оборачивался.

— Ну, скажет тоже, — Игнат наконец выдавил из себя смешок, но звук получился сухим, надтреснутым. — Совсем девчонка запуталась. Я же ей и за отца, и за деда, и за аниматора. Помнишь, Поля, как в прошлом году мы ей велосипед собирали? Вот и прилипло.

Он медленно повернулся, и я увидела его глаза. В них не было привычного обожания, только лихорадочный, затравленный блеск. Он улыбался, но эта улыбка напоминала плохо наложенный грим, который вот-вот потечет от жары.

— Игнат, не мели чепухи, — голос Любы прозвучал резко, как щелчок бича. Она подошла к Нине и с силой, почти грубо, дернула её за руку. — Нина, сколько раз тебе говорить? Дядя Игнат! У тебя солнце голову напекло? Иди в дом,

быстро!

Люба смотрела на меня в упор через стекла своих дорогих очков. Я не видела её глаз, но чувствовала исходящую от неё волну агрессии. Тридцать лет — золотой возраст, время, когда женщина расцветает, но моя дочь сейчас напоминала взведенный капкан. Её лицо, густо припудренное, чтобы скрыть следы дорожной усталости, казалось маской.

— Мам, ты чего застыла? — бросила она мне, проходя мимо. — Ребенок бредит, а ты смотришь так, будто я тебе в кашу плюнула. Игнат, тащи сумки, не стой столбом.

Она процокала каблуками в дом, обдав меня облаком приторного, тяжелого парфюма. Я осталась стоять на веранде, провожая их взглядом. Тишина сада, обычно такая уютная, теперь казалась обманчивой. Где-то в глубине ульев заходила на посадку пчела-разведчица, и её гул показался мне тревожным сигналом.

В столовой уже всюю распоряжались люди из кейтеринга. Накрахмаленные скатерти, блеск приборов, тонкий аромат запеченной утки с яблоками — всё это было декорациями к спектаклю, в котором я вдруг перестала понимать свою роль.

Люба швырнула свою сумочку на диван и огляделась.

— Господи, мам, ну и жара у вас. И этот вечный запах... воск, мед, прополис. У меня от него скоро мигрень начнется. Неужели нельзя было поставить мощный кондиционер в гостиную? Столько денег гребете с этой пасеки, а живете как

в прошлом веке.

Она подошла к зеркалу и начала поправлять волосы. Те самые, густые и темные, которые она всегда укладывала в небрежные городские прически. Сейчас они были стянуты в тугой хвост, открывая длинную шею.

— Я думала, тебе нравится здесь бывать, — тихо сказала я, присаживаясь на край кресла. — Ты ведь сама просила дом по соседству.

Люба обернулась, и я увидела в её взгляде нескрываемую досаду.

— Просила, потому что в городе дышать нечем. Но я не думала, что ты превратишь это место в трудовую колонию. Посмотри на Игната, мам. Ты же его заездила! Он у тебя и за маркетингом следит, и на стройке за прораба, и здесь как разнорабочий. Ты хоть понимаешь, что он моложе тебя? Ему жить хочется, а не в ульях ковыряться до посинения.

Я невольно посмотрела на свои руки — натруженные, с короткими ногтями, привыкшие к тяжелой работе. Всю жизнь я строила этот мир для неё. Для Любы. Чтобы она ни в чем не нуждалась, чтобы могла позволить себе эти капризы и дорогие духи. А теперь она обвиняла меня в том, что я «заездила» мужа, которого сама же когда-то приняла в штыки.

— Он не жалуется, Люба, — отрезала я. — Игнат любит это дело. Мы вместе его поднимали.

— Ну конечно, «вместе», — Люба фыркнула и начала

рыться в косметичке. — Мам, будь реалисткой. Без него ты бы так и продавала мед в банках на трассе. Ладно, где Нина? Надеюсь, она ничего не разбила.

Девчушка сидела в углу столовой, на старинном дубовом сундуке, и сосредоточенно грызла медовое печенье. Она была удивительно тихим ребенком для своих пяти лет. Я подошла к ней, стараясь унять дрожь в коленях.

— Ниночка, радость моя, — я присела перед ней на корточки. — Давай я тебе молочка налью?

Девочка подняла на меня глаза, и я замерла. Это было как удар током. Нина нахмурила лоб, обдумывая ответ, и в этот момент между бровей у неё прорезалась едва заметная вертикальная складка. Точно такая же, как у Игната, когда он считает привес меда.

Я знала это лицо. Я видела его на старой, пожелтевшей фотографии, которую мне когда-то показывала покойная мать Игната. Маленький мальчик в шортах на лямках, с таким же упрямым подбородком и характерно оттопыренной мочкой левого уха. У Игната она была такой же — с крошечной, почти незаметной родинкой на самом краю. Странно, раньше я этого не замечала.

Холод, зародившийся где-то под ребрами, теперь разлился по всему телу, несмотря на тридцатиградусную жару. Я смотрела на девочку, которая сосредоточенно доедала печенье, и видела в ней не свою внучку, а живое, дышащее доказательство того, что последние пять лет моей жизни были

выстроены на зыбучем песке.

— Бабуля, ты чего? — Нина подняла на меня свои ясные, невинные глаза. — Ты на меня сердишься?

Я заставила себя моргнуть. В горле пересохло, слова застревали комом.

— Нет, деточка. Нет. Просто... печенье вкусное, ешь. Хочешь, еще молочка принесу?

Я поднялась, чувствуя, как мелко дрожат колени. Нужно было двигаться. Нужно было что-то делать, иначе я рисковала просто рухнуть здесь, на ковер, под восторженные возгласы кейтеринга, раскладывающего закуски.

Люба в это время поднялась на второй этаж, грохоча каблуками по деревянной лестнице. Я знала, что она в гостевой — в той самой мансарде, где утром я нашла заколку. Медленно, шаг за шагом, я пошла следом. В кармане халата, который я еще не успела сменить на вечернее платье, жгла руку холодная пластмасса «краба».

Я вошла в комнату без стука. Люба уже успела скинуть туфли и теперь по-хозяйски развалилась на кровати, листая что-то в телефоне.

— Мам, ну ты чего бродишь как привидение? — она даже не подняла головы. — Шла бы уже марафет наводить. Гости скоро попрут, а ты в домашнем.

— Я зашла отдать тебе кое-что, — я подошла к комоду и

положила заколку на полированную поверхность. Раздался негромкий, сухой стук. — Утром нашла под кроватью. Ты, видимо, обронила, когда была здесь в прошлый раз.

Люба замерла. Её пальцы застыли над экраном телефона. На долю секунды в комнате повисла такая тишина, что было слышно, как бьется о стекло шальная муха. Затем дочь медленно села, глядя на заколку так, будто это была ядовитая змея.

— Ой, — она натянуто улыбнулась, и я увидела, как на её щеке запульсировала жилка. — А я её везде искала. Думала, в городе в такси выронила. Спасибо, мам.

— Игнат говорил, что ты забегала на пару часов, пока он чинил тебе в доме проводку — я старалась, чтобы мой голос звучал ровно, по-деловому. — Зачем же было в гостевой комнате кровать расстилать? И заколку под тумбочкой оставлять?

Люба вскинула подбородок. В её глазах мелькнула знакомая колючая искра — она всегда так смотрела, когда её ловили на мелком вранье в детстве.

— Мам, ну началось! Голова у меня разболелась тогда, жара ведь была страшная. Я прилегла, заснула на часок. Заколочка, видно, и соскользнула. Ты теперь меня допрашивать будешь? В свой день рождения?

Она схватила заколку и нервно пристегнула её к краю кармана своей сумки. Ложь была очевидной, шитой белыми

нитками.

— Конечно, нет, — я отступила к двери. — Просто порядок люблю. Отдыхай, Люба.

Я вышла в коридор и прислонилась лбом к прохладной стене. В голове крутилось: «Игнат купил туфли... секрет... папа Игнат... заколка». Пазл складывался, но мой мозг отчаянно сопротивлялся, выплевывая эти кусочки один за другим. Не может быть. Не с моей дочерью. Не с моим мужем. Я просто себя накручиваю.. В конце концов она моя дочь и может заходить в наш дом и оставаться здесь сколько захочет...

Снизу донесся шум подъезжающей машины. Это был первый звонок — прибыли соседи, Зотовы (однофамильцы Игната, но не родственники, местная «знать»). Праздник, который я так ждала, начинал катиться под откос, и я была обязана его остановить. Или, по крайней мере, сделать вид, что всё в порядке.

Я быстро переоделась в своей спальне. Платье цвета липового меда облегалo фигуру, подчеркивая, что в свои пятьдесят пять я всё еще чертовски хороша. Я подкрасила губы, нанесла капли любимых духов — «Дикая орхидея» — и расправила плечи. Лицо-маска, улыбка-броня. Хозяйка пасеки выходит к подданным.

Игнат уже ждал внизу. Он переоделся в белоснежную рубашку, которая так выгодно оттеняла его загар. Увидев меня, он просиял — или мне только показалось, что он слишком

старается?

— Поля, ты ослепительна, — он подошел и взял меня за руки. Его ладони были сухими и горячими. Он поцеловал мои пальцы, глядя прямо в глаза. — Ты готова принимать дань восхищения?

Я посмотрела на него, ища хоть тень той неловкости, что была десять минут назад на веранде. Ничего. Само воплощение надежности и любви. Как он это делал? Как мог так легко переключаться?

— Готова, Игнат. Идем.

Мы вышли в сад. Гости прибывали один за другим. Алеша, тот самый сосед, о котором Игнат упоминал утром, пришел с огромным букетом полевых ромашек. Он выглядел смущенным, постоянно поправлял воротник рубашки.

— С днем рождения, Полина Сергеевна, — пробормотал он, протягивая цветы. — Вы сегодня... как солнце.

— Спасибо, Алеша, — я улыбнулась ему искренне. Этот парень всегда мне нравился своей простотой. — Проходи к столам, угощайся.

Праздник набирал обороты. Звенели бокалы, разносился смех, пахло дымком от мангала и дорогими закусками. Игнат вел себя как идеальный хозяин: подливал вино, шутил с мужчинами, делал комплименты дамам. Люба тоже вышла к гостям, сменив платье на еще более вызывающее — ярко-красное, с открытыми плечами. Она смеялась громче всех, то и

дело прикладываясь к бокалу с шампанским.

Я сидела во главе стола, принимая поздравления, и чувствовала себя так, будто за моей спиной не пасека, а пороховой склад, к которому уже поднесли фитиль.

Нина подбежала ко мне, когда все отвлеклись на очередную байку Золотова-старшего. Она забралась ко мне на колени, пахнувшая молоком и печеньем.

— Бабуля, — прошептала она мне прямо в ухо, щекоча волосами.

— Что, солнышко?

Девочка опасливо оглянулась на мать, которая в этот момент о чем-то жарко спорила с Игнатом у края террасы. Они стояли слишком близко друг к другу — ближе, чем полагаются отчиму и падчерице.

— Бабуля, — Нина прильнула ко мне всем тельцем. — А почему мама сказала, что если я еще раз назову папу Игната папой, мы уедем домой и я больше никогда тебя не увижу?

Мир вокруг меня на мгновение замер. Голоса гостей стали тихими, как в тумане, звон посуды — приглушенным. Я смотрела на свою внучку, и в её испуганных глазах видела приговор своему браку. Ребенок не умеет лгать так изощренно. Люба не просто скрывала правду — она запугивала дочь.

Я крепче прижала Нину к себе, чувствуя, как внутри меня что-то окончательно и бесповоротно ломается. Золотая клетка моего счастья рассыпалась в прах.

— Не бойся, маленькая, — мой голос был тверд, как гранит. — Никто никуда не уедет. Бабушка об этом позаботится.

Я подняла взгляд и встретила глазами с Игнатом. Он смотрел на нас через весь сад. Улыбка застыла на его лице, а в глазах на мгновение отразился первобытный ужас. Он понял. Понял, что Нина что-то сказала.

Я медленно подняла бокал с шампанским, салютуя ему.

Начиналась настоящая гроза. И я не собиралась отсиживаться в укрытии.

Глава 3(Игнат)

(от лица Игната)

Взгляд Полины был подобен глотку ледяной колодезной воды в разгар июльского зноя. Резкий, отрезвляющий, выбивающий почву из-под ног. Когда она подняла бокал, салютуя мне через весь сад, я на мгновение почувствовал себя мальком, выброшенным на раскаленный песок.

Но я — Игнат Зотов, и я слишком долго учился держать лицо, чтобы сломаться от случайного лепета пятилетки.

Я медленно кивнул в ответ, растягивая губы в самой своей обаятельной, «фирменной» улыбке, и пригубил вино. Терпкий рубиновый напиток на мгновение смягчил пересохшее горло. Паника, эта липкая дрянь, начала отступать, сменяясь привычной, холодной расчетливостью.

«Спокойно, Игнат. Дыши. Это просто ребенок. Нина еще не понимает разницы между словами», — уговаривал я себя, чувствуя, как сердце постепенно замедляет свой бешеный бег.

Поля — умная женщина. Слишком умная. Но даже самый острый ум пасует перед тем, во что он не хочет верить. Пятнадцать лет я строил эту крепость, по кирпичику возводя фасад идеального брака. Я был для неё всем: опорой, правой рукой, страстным любовником, преданным партнером. Она не разрушит этот мир из-за одного нелепого слова. Слишком

дорого ей обошлась эта идиллия. Слишком много она вложила в меня.

Я поставил бокал на столик и поправил манжеты белой рубашки. Ткань приятно холодила кожу. Сегодня я выглядел на миллион — и это было справедливо. Я заслужил каждый этот нитяной стежок, каждую деталь этого праздника.

Оглядев сад, я почувствовал знакомый прилив гордости. Усадьба Зотовых. Моя усадьба. Ну, технически — её, но кто здесь реально крутит гайки? Кто договаривается с поставщиками, кто пинает ленивых рабочих, кто следит, чтобы пасека не превратилась в разваливающийся колхоз? Поля — душа «Золотой соты», её лицо. Но я — её хребет. Её зубы.

— Игнат Борисович, ну и размах! — ко мне подошел Зотов-старший, вальяжный сосед в дорогом льняном пиджаке. — Полина Сергеевна сегодня просто светится. Повезло тебе с женой, парень. Золотая женщина.

— Золотая — не то слово, Степан Ильич, — я пожал его пухлую ладонь, чувствуя легкое превосходство. — Таких больше не делают. Индивидуальный заказ.

— Это точно, — сосед хохотнул, подмигнув мне. — Но и ты молодец. Видно, в чьих руках хозяйство. Порядок везде.

Я вежливо улыбнулся, провожая его взглядом. Идиоты. Они все видят только то, что я позволяю им видеть. Они видят верного мужа, который на десять лет моложе своей «королевы» и при этом не смотрит по сторонам. Они восхища-

ются моей преданностью. Если бы они только знали, какой вкус у настоящего, запретного меда.

Мой взгляд невольно метнулся к Любе. Она стояла у кромки террасы, вызывающе яркая в своем алом платье. Она была как лесной пожар в середине июля — опасная, жаркая, неуправляемая. Полная противоположность Полине. Поля — это глубокое, спокойное озеро. В нем хорошо отдыхать, в нем надежно. Но Люба... Люба — это горная река, сбивающая с ног, заставляющая кровь кипеть.

Я вспомнил, как это началось пять лет назад. Я не планировал этого. Честное слово. Люба тогда вернулась из города такая... созревшая. В ней больше не осталось той ершистой девчонки, которая когда-то смотрела на меня волком. Она сама подошла ко мне в омшанике. Темнота, запах воска и её дыхание прямо в мои губы. Она прошептала тогда: «Ты ведь всегда этого хотел, Игнат. Не ври себе».

И я перестал врать. Рядом с Любой я чувствовал себя не «проектом» Полины, не удачным вложением её средств и сил. Я чувствовал себя мужчиной. Молодым. Диким. Альфой. Она дала мне то, чего Поля со своей вечной опекой и мудростью дать не могла — ощущение вседозволенности.

Я коснулся пальцами кармана брюк. Маленькая бархатная коробочка обожгла ладонь. Кольцо. Пять карат, чистейшая вода. Идеальное прикрытие. Полина любит красивые жесты, она верит в символы. Этот подарок должен был стать жирной точкой в любых её сомнениях. Если муж дарит кольцо стои-

мостью в новый внедорожник, разве он может изменять?

Я усмехнулся про себя. Кольцо обошлось мне «бесплатно». Пара откатов от строителей нового цеха, небольшая махинация с закупками немецких медогонок — и вот оно, доказательство моей вечной любви. Полина всегда была слишком увлечена качеством продукта, чтобы замечать качество финансовых отчетов, которые я ей подсовывал. Она доверяла мне безоговорочно. И это была её единственная, но фатальная ошибка.

Воздух стал густым, наэлектризованным. Гроза уже дышала в затылок, пригибая ветки яблонь к земле. Нужно было действовать.

Я направился к зоне барбекю, где Алеша, соседский парень, сосредоточенно ворошил угли. Он всегда казался мне придурковатым со своей вечной молчаливостью и влюбленными глазами, которыми он пожирал Любу. Полезный идиот. Он был отличной ширмой: все в деревне думали, что Люба приезжает из города ради него.

Люба стояла чуть поодаль, делая вид, что поправляет лямку босоножки. Я подошел почти вплотную, так, чтобы нас закрывала густая тень живой изгороди.

— Ты с ума сошла? — прошипел я, не глядя на неё. — Что ты наплела Нине? Какого черта она орет на весь сад про «папу Игната»?

Люба вскинула голову. Её глаза гневно сверкнули.

— А что, не папа? Тебе напомнить, чья кровь в ней течет? Мне надоело, Игнат. Надоело прятаться по углам и смотреть, как ты ломаешь комедию перед своей «королевой».

— Заткнись, Она твоя мать! — я перехватил её за локоть, сжав чуть сильнее, чем следовало. — Ты хочешь всё испортить? Сейчас? Когда мы так близки к цели?

— К какой цели, Игнат? — она вырвала руку, её голос дрожал от сдерживаемой ярости. — К тому, чтобы ты еще десять лет спал с моей матерью и ждал, пока пасека окончательно перейдет в твои руки? Нине нужен отец. Мне нужен муж.

Я посмотрел на неё, чувствуя, как внутри закипает злость. Женщины. Вечно им нужно всё и сразу.

— Слушай меня внимательно, Люба. Еще один такой прокол — и ты вернешься в свою городскую однушку без копейки в кармане. Я годами выстраивал схему. Контракты уже переписываются на «Северный Мед», счета открыты. Еще полгода, максимум год — и Полина останется с долгами и пустыми ульями. Она сама отдаст мне управление, когда поймет, что не справляется. А потом мы просто уедем. Но если ты сейчас откроешь рот — мы оба пойдем по миру. Поняла?

Люба тяжело дышала, глядя на меня с ненавистью и обожанием одновременно. Я знал этот взгляд. Она была в моей власти, и она это понимала.

— Поняла, — выдохнула она, поправляя платье. — Но

кольцо... Зачем оно ей? Ты обещал мне, что перестанешь ей дарить подарки.

— Это инвестиция в тишину, дура, — я усмехнулся и коснулся её щеки тыльной стороной ладони. — Потерпи. Скоро ты будешь носить бриллианты покрупнее. А сейчас иди к Нине и закрой ей рот. Скажи, что это игра такая.

Она кивнула и быстро пошла к дому. Я проводил её взглядом, чувствуя, как возбуждение от риска пульсирует в висках. Это было похоже на игру в шахматы с гроссмейстером, где я уже съел почти все его фигуры, а он всё еще думает, что атакует.

Гром грохнул совсем рядом, заставив гостей вздрогнуть. Ветер со свистом пронёсся по саду, гася свечи на столах. Пора.

Я достал телефон и быстро набрал сообщение своему человеку в банке: «Завтра в десять подтверждаем перевод транша. Всё по плану».

Убрав телефон, я взял микрофон со стойки у террасы. Все взгляды обратились ко мне. Я видел Полину — она сидела неестественно прямо, её лицо в сумерках казалось высеченным из мрамора. Она ждала.

— Дорогие друзья! — мой голос звучал уверенно, заполняя пространство сада и перекрывая шум ветра. — Сегодня особенный день. День, когда я хочу сказать спасибо женщине, которая изменила мою жизнь. Полина, любовь моя...

Я шел к ней через сад, и каждый мой шаг был пропитан

ложью, которую я сам начал считать правдой. Я верил в свою непобедимость. Я верил, что эта гроза пройдет мимо, оставив меня хозяином этого золотого мира.

Я еще не знал, что Королева улья уже приготовила свое жало. И промаха не будет.

Глава 4

Ветер ударил в лицо внезапно, принеся с собой запах озона и мокрой пыли. Свечи в высоких стеклянных колбах, расставленные по столам, тревожно замигали, некоторые погасли, испустив тонкие струйки сизого дыма. Природа словно вторила тому хаосу, что творился у меня внутри, но я продолжала сидеть с прямой спиной, вцепившись пальцами в ножку бокала так, что она, казалось, вот-вот хрухнет.

Игнат стоял в центре импровизированной сцены у веранды. Микрофон в его руке выглядел продолжением его самого — уверенный, властный жест. Он обвел гостей взглядом, в котором читалось самодовольство сытого хищника. Белоснежная рубашка сияла в сумерках, оттеняя его загар. Он был красив той зрелой, опасной красотой, на которую, как мотыльки, летят женщины всех возрастов.

И я летела. Пятнадцать лет летела на этот свет, не замечая, что он искусственный.

— Дорогие друзья! — его голос, усиленный аппаратурой, прокатился по саду, заглушая шум ветра в кронах яблонь. — Сегодня особенный вечер. Мы собрались здесь не просто, чтобы отметить юбилей. Мы здесь, чтобы поклониться женщине, которая является сердцем этого дома. Сердцем «Золотой соты». Моим сердцем.

Гости зааплодировали. Кто-то одобрительно свистнул. Я

видела улыбки соседей, слышала шепот зависти: «Надо же, как повезло Зотовой, такой мужик, и так любит». Эти слова, которые раньше были для меня сладким нектаром, теперь казались липкой паутиной.

Игнат шагнул ко мне. В его глазах не было ни тени сомнения, ни капли той нервозности, которую я заметила днем. Он верил в свою ложь. Он жил ею.

— Полина, — он подошел вплотную, опустил на одно колено — жест, достойный финала голливудской мелодрамы. — Ты дала мне всё. Ты поверила в меня, когда я был никем. Эти пятнадцать лет стали лучшими годами моей жизни. И я хочу, чтобы ты знала: я буду носить тебя на руках до последнего вздоха.

Он полез в карман брюк и достал бархатную коробочку глубокого синего цвета. Щелчок — и на черном бархате сверкнуло кольцо. Крупный бриллиант в обрамлении россыпи камней поменьше. Оно было роскошным, вызываяще дорогим. Слишком дорогим для наших текущих доходов, которые мы якобы пускали в оборот, экономя на всем.

— С днем рождения, моя Королева, — прошептал он так, чтобы слышала только я, и ловким движением надел кольцо на мой безымянный палец.

Холодный металл обжег кожу. Бриллиант вспыхнул под светом садовых фонарей, но я видела в этом блеске не любовь, а цену молчания. Это была взятка. Дорогая, красивая взятка, которой он пытался откупиться от своей совести и

усыпить мою бдительность.

«Папа Игнат купил туфли... секрет...» — голос Нины прозвучал в моей голове громче, чем аплодисменты гостей.

— Горько! — гаркнул Степан Ильич Зотов, наш однофамилец, уже успевший изрядно приложиться к коньяку.

— Горько! Горько! — подхватили остальные.

Игнат поднялся с колен, притянул меня к себе и накрыл мои губы своими. Его поцелуй был властным, требовательным. Раньше я таяла от этого напора, принимая его за страсть. Теперь я чувствовала лишь вкус дорогого алкоголя и... пустоту. Я стояла, как деревянная кукла, позволяя ему играть этот спектакль. Его руки на моей талии казались чужими. Мне хотелось оттолкнуть его, стереть этот поцелуй, смыть с себя его прикосновения, но я помнила: на нас смотрят. Я — хозяйка праздника. Я не имею права на истерику.

Я открыла глаза, не разрывая поцелуя, и посмотрела поверх плеча мужа.

Люба стояла у края стола, сжимая в руке бокал с красным вином. Её алое платье в сумерках казалось пятном свежей крови. Она смотрела на нас. В её взгляде не было радости дочери за счастье матери. Там не было даже равнодушия. Там полыхал такой черный, яростный огонь ревности, что мне стало физически дурно.

Она смотрела на Игната так, как женщина смотрит на свою собственность, которую временно дали подержать дру-

гому. Её губы были плотно сжаты, ноздри раздувались.

Игнат отстранился от меня, сияя улыбкой победителя, и на долю секунды его взгляд метнулся к Любе. Это длилось мгновение. Короткая вспышка. Электрический разряд, пробивший пространство между ними. Он словно сказал ей глазами: «Потерпи, это всё игра». А она ответила ему коротким, злым кивком.

Это был не взгляд отчима и падчерицы. Это был диалог сообщников. Любовников.

Меня замутило. Земля под ногами качнулась, и я схватилась за край стола, чтобы не упасть.

— Поля, ты в порядке? — Игнат тут же поддержал меня под локоть, заботливо заглядывая в лицо. — Голова закружилась от счастья?

— От жары, — сухо ответила я, высвобождая руку. — И от... подарка. Он слишком дорогой, Игнат. Мы же договаривались.

— Для тебя мне ничего не жалко, — громко, на публику, произнес он. — Носите на здоровье, Полина Сергеевна!

Ко мне потянулась вереница гостей. Цветы, коробки, конверты. Я улыбалась, кивала, благодарила. Мое лицо превратилось в застывшую гипсовую маску.

— Поздравляю, Полечка! Какая ты счастливая!

— Игнат у тебя золото, настоящий мужик!

— Пятнадцать лет душа в душу, это ж надо!

Каждое слово было как удар молотком по крышке гроба, в котором хоронили мою жизнь. Степан Ильич, дыша перегаром и дорогим табаком, полез обниматься:

— Ты, Полина, молодец, что тогда его к делу приставила. Я ж помню, пришел гол как сокол, а теперь? Орел! Пасеку поднял, стройку ведет. Ты за ним как за каменной стеной.

«Как за картонной декорацией», — подумала я, вдыхая удушливый запах лилий из его букета. Лилии пахли кладбищем.

Я скользила взглядом по толпе, ища Любу. Она отошла в тень старой груши и о чем-то говорила с Алешей. Парень выглядел потерянным, он что-то доказывал ей, размахивая руками, а Люба стояла, скрестив руки на груди, и с брезгливой гримасой слушала его. На её сумочке, висевшей на плече, блеснула в свете фонаря та самая заколка-краб. Улика, которую она даже не потрудилась спрятать. Ей было все равно. Она чувствовала себя настолько уверенно в моем доме, что плевала на осторожность.

Небо над нами окончательно почернело. Где-то совсем близко сверкнула молния, высветив сад мертвенно-бледным светом, а через секунду грохнуло так, что задрожали стекла

в окнах дома.

— Музыку! — скомандовал Игнат, не давая гостям испугаться грозы. — Пока дождь не ливанул, мы должны станцевать!

Заиграла мелодия — тягучая, чувственная композиция, которую мы когда-то называли «нашей». Игнат подошел ко мне, протягивая руку. На его безымянном пальце блестело простое золотое кольцо — символ верности, который он превратил в пустышку.

— Потанцуем, именинница?

Я не могла отказать. Это было бы странно. Это вызвало бы вопросы. Я вложила свою ладонь в его руку, чувствуя, как холодное кольцо с бриллиантом врезается в соседний палец.

Он притянул меня к себе. Слишком близко. Я чувствовала запах его одеколона — терпкий, древесный, с нотками цитруса. Раньше я утыкалась носом в его шею и вдыхала этот аромат, как наркотик. Теперь мне казалось, что от него пахнет чужими духами. Сладкими, приторными духами моей дочери.

Мы двигались в такт музыке. Игнат вел уверенно, его рука на моей спине была горячее, властной.

— Ты сегодня напряжена, Поля, — прошептал он мне на ухо, касаясь губами виска. — Расслабься. Всё идеально. Посмотри, как все нам завидуют.

— Я просто устала, — солгала я, стараясь не смотреть ему в глаза. — Предчувствие грозы. Давление скачет.

— Ничего, скоро всё закончится, и мы останемся вдвоем, — мурлыкнул он. — Я сделаю тебе массаж.

От одной мысли о том, что его руки, которые, возможно, еще вчера касались тела Любы, будут трогать меня, к горлу подкатил ком тошноты. Я чуть отстранилась, увеличивая дистанцию.

— Не сейчас, Игнат. Люди смотрят.

Музыка сменилась. Ритм стал быстрее, агрессивнее. Игнат выпустил меня из объятий, поклонился с наигранной галантностью и тут же развернулся к толпе.

— А теперь я хочу пригласить на танец нашу красавицу-дочь! Люба, иди к отцу!

Слово «отец» он выделил с какой-то издевательской интонацией, но никто, кроме меня, этого не заметил. Гости захлопали.

— Давай, Любаша, покажи класс!

Люба отделилась от тени дерева. Она поставила бокал на траву и пошла к нему. Её походка изменилась — это была походка пантеры, выходящей на охоту. Красное платье облегло её фигуру как вторая кожа.

Она подошла к Игнату, и он подхватил её, закружив в танце.

Я осталась стоять у стола, сжимая в руке салфетку. Я смотрела. Я превратилась в зрение и слух.

Это не был танец родственников. Отчим не прижимает к себе падчерицу так, что между их телами не проскользнет и лист бумаги. Игнат положил руку ей на талию — но не так, как держал меня. Его ладонь скользнула ниже, почти на бедро, и я увидела, как его большой палец медленно, собственнически поглаживает ткань платья.

Они двигались синхронно, словно единый организм. Они знали тела друг друга. Это было видно по тому, как Люба откидывала голову, открывая шею, как Игнат ловил её взгляд. Они забыли, где находятся. Или им было плевать. Адреналин от публичности, от риска быть пойманными, пьянил их сильнее вина.

Люба положила руку ему на плечо, и её пальцы скользнули к его затылку, слегка зарываясь в волосы. Жест интимный, недопустимый. Игнат что-то шепнул ей, наклонившись к самому уху. Я не слышала слов, но видела как вспыхнули её щеки. Это был румянец не от быстрых движений, а от запретного удовольствия. Она рассмеялась — низким, грудным смехом, запрокинув голову, и на долю секунды прижалась к нему всем телом, почти повиснув на его руках. Так прижимаются к любовнику, обещая жаркую ночь, а не к отчиму на семейном празднике.

В этом жесте была такая пугающая, отработанная слаженность, что у меня перехватило дыхание. Они двигались так, словно танцевали вместе сотни раз. Они знали тела друг друга. Они понимали друг друга без слов. Это был не флирт, возникший спонтанно от выпитого вина. Это была жизнь. Параллельная, тайная жизнь, которая текла прямо под носом у «Медовой королевы», пока та считала прибыль и выбирала новые улы.

Вокруг хлопали гости.

— Ай да Люба! Ай да молодец!

— Игнат, ну вы даете! Танцоры диско!

Эти крики доносились до меня словно сквозь толстый слой ваты. Я стояла, вцепившись в край стола так, что ногти побелели, и чувствовала, как кольцо с бриллиантом — мой «подарок» — врезается в палец, причиняя физическую боль. Оно жгло. Оно клеймило меня как дуру. Как женщину, которую купили за блестящую побрякушку, чтобы она не мешала.

Музыка оборвалась так же внезапно, как и началась. Игнат остановился, тяжело дыша, его грудь вздымалась под мокрой от пота рубашкой. Он всё еще держал Любу за руку, его пальцы переплелись с её пальцами. Он не спешил её отпускать.

И в этот момент, в повисшей на секунду тишине перед

первыми каплями дождя, Люба повернула голову и посмотрела прямо на меня.

В её взгляде не было ни капли вины. Ни тени смущения. Там было торжество. Холодное, злое, безжалостное торжество молодости над зрелостью. Она смотрела на меня с вызовом, её губы искривились в едва заметной усмешке.

«Смотри, мама. Он носит твое кольцо, он живет в твоём доме, но принадлежит он мне. И всегда принадлежал мне».

Этот взгляд был красноречивее любых слов. Это был взгляд врага, который наконец-то сбросил маску, потому что уверен в своей победе. Она знала, что я вижу. И ей это нравилось.

Первая тяжелая капля упала мне на щеку, смешавшись с холодным потом. Вторая ударила по бокалу в моей руке.

— Дождь! — закричал кто-то. — Все под навес!

— Спасайте закуски!

Началась суматоха. Люди повскакивали с мест, хватая тарелки и бокалы. Ветер рванул скатерть с соседнего стола, опрокинув вазу с цветами. Сад наполнился шумом, криками и топотом ног.

Игнат, опомнившись, наконец выпустил руку Любы и бросился к навесу, командуя кейтерингом. Люба, не спеша, пошла к дому, покачивая бедрами, даже не пытаясь укрыться от дождя, который начинал лить стенами.

А я осталась стоять. Воздух вокруг меня закончился. Я

хватала ртом влажную, пахнущую озоном и пылью пустоту, но легкие отказывались работать. Мир вокруг меня рушился, смываемый потоками воды, а я чувствовала только одно — как ледяная игла, вонзившаяся в сердце еще утром при виде заколки, теперь прошла насквозь, пригвоздив меня к этому месту.

Маскарад закончился. Началась война. И я знала, что первый бой я уже проиграла, даже не заметив его начала.

Глава 5

Ливень обрушился на «Золотую соту» не как благословение, а как кара небесная. Вода стояла стеной, барабанила по натянутому брезенту навеса, под который мы все сбились, как испуганные овцы. Праздничные столы с намокшими скатертями и поплывшими салатами остались мокнуть под ударами стихии — печальное зрелище, напоминающее поле битвы после поражения.

Гости, разгоряченные алкоголем и танцами, жались друг к другу, пытаясь перекрычать шум дождя. Кто-то смеялся, кто-то чертыхался, стряхивая капли с пиджаков. Игнат был везде и сразу: командовал официантами, перетаскивал стулья, раздавал пледы. Он играл роль капитана тонущего корабля, который героически спасает пассажиров.

Я стояла у самой опоры навеса, чувствуя, как ледяные брызги летят мне на голые плечи. Озноб бил меня изнутри, и никакой плед не мог бы согреть этот холод. Перед глазами всё еще стояла картина: рука мужа на бедре дочери, их сплетенные пальцы, этот взгляд...

— Полина Сергеевна! — над ухом прогремел бас Степана Ильича. Сосед уже изрядно набрался, его лицо лоснилось, а галстук сбилсЯ набок. — Ну что ж погода-то делает, а? Всю малину испортила! Слушай, я тут вспомнил... Ты же обещала угостить той самой, своей фирменной. На кедровом оре-

хе и подморе. Говорила, от суставов помогает и душу лечит. Сейчас бы самое то — душу погреть!

Он дыхнул на меня коньячным перегаром, ожидая немедленного исполнения каприза. Я посмотрела на него, потом на Игната, который в другом конце веранды что-то весело объяснял группе дам, и поняла: мне нужно уйти. Прямо сейчас. Мне нужен повод исчезнуть из этого балагана хотя бы на десять минут, иначе я просто начну кричать.

— Конечно, Степан Ильич, — мой голос прозвучал на удивление ровно, хотя связки были натянуты, как струны. — Она в омшанике стоит, в холоде. Я сейчас принесу.

— Давай я кого из молодых пошлю! — попытался он проявить галантность.

— Нет, — отрезала я, возможно, слишком резко, потому что сосед удивленно моргнул. — Там особый порядок, чужие не найдут. Я сама. Я еще раз посмотрела в сторону Игната, но он уже куда то исчез.

Я схватила большой черный зонт, стоявший у входа, и шагнула в стену дождя. Вода мгновенно промочила подол длинного платья, тяжелый шелк облепил ноги, мешая идти. Дорогие туфли на шпильке вязли в размокшей земле, но я не обращала на это внимания. Я шла быстро, почти бежала, чувствуя, как грязь летит на щиколотки.

Омшаник — зимовник для пчел — находился в самом

дальнем углу сада, за густыми зарослями вишни. Это было мое святилище. Полуподземное сооружение, крепкое, пахнущее землей и покоем. Зимой там спали мои пчелы, летом я хранила там инвентарь, пустые ульи и те самые настойки, которые требовали темноты и прохлады.

Шум праздника затихал за спиной, растворяясь в грохоте ливня. Здесь, в глубине сада, было темно. Фонари сюда не добивали, лишь вспышки молний на мгновение выхватывали из темноты мокрые стволы деревьев, делая их похожими на скрюченные пальцы мертвецов.

Я подошла к тяжелой деревянной двери, обитой войлоком. Обычно я запирала её на засов, но сейчас дверь была приоткрыта на пару сантиметров. Темная щель дышала сыростью.

«Странно, — мелькнула вялая мысль. — Алеша, наверное, забыл закрыть, когда заносил рамки».

Я сложила зонт, оставив его у входа, и шагнула внутрь. Тишина здесь была другой — плотной, ватной. Шум дождя превратился в далекий гул. Пахло мышами, старым деревом, воском и той особенной, сладковатой затхлостью, которая всегда живет в омшаниках.

Я не стала включать свет. Рубильник был справа от входа, но я знала каждый сантиметр этого помещения. Мои руки сами находили дорогу. Мне нужно было пройти в дальний отсек, за дощатую перегородку, где на стеллажах стояли бутылки с настойками.

Я сделала несколько шагов по земляному полу и вдруг замерла.

В глубине помещения, там, за тонкой стеной из необрезной доски, кто-то был. Шорох. Тяжелое дыхание. Звук, похожий на всхлип.

Первая мысль была о ворах. В деревне всякое случается, а сегодня ворота нараспашку. Я нащупала рукой на полке тяжелый стеклянный графин — пустой, с гранеными боками. Оружие так себе, но вес в руке придал уверенности. Я бесшумно, как кошка, двинулась к перегородке, готовая закричать или ударить.

Но тут я услышала голос. И этот голос заставил меня окаменеть.

— ...Я больше не могу, Игнат! Не могу! — это был шепот, переходящий в истерику. Голос Любы срывался, дрожал, захлебывался слезами. — Ты видел?! Ты видел, как она на нас смотрела, когда мы танцевали? Она всё знает! Она не дура!

Я прижалась спиной к шершавым доскам перегородки. Графин в моих руках стал скользким от выступившего на ладонях пота.

— Тише, девочка, тише, — низкий, успокаивающий баритон Игната. Тот самый тон, которым он убаюкивал меня, когда у меня болела голова. — Ничего она не знает. Поля мнительная, да. Но она верит тому, что хочет видеть. Успокойся.

— Успокоиться?! — Люба, судя по звуку, ударила кула-

ком по деревянному столу, на котором я обычно сколачивала рамки. — Нина сегодня чуть всё не выдала! «Папа Игнат купил туфли»! Ты хоть понимаешь, что если бы она продолжила, этот спектакль закончился бы прямо там, на веранде? Я устала затыкать рот собственному ребенку! Ей пятый год, Игнат! Она хочет отца, а не «дядю», который приходит к маме по ночам, пока «бабушка» спит!

Мир качнулся. Темнота омшаника вдруг стала пульсирующей, красной. Я забыла, как дышать. Легкие сжались, отказываясь впускать спертый воздух.

«Приходит по ночам, пока бабушка спит».

Значит, это было здесь. В моем доме. В моем саду. Все эти годы. Пока я спала, уставшая после работы, пока я ездила на выставки, зарабатывая деньги на нашу «мечту».

— Потерпи, Любаша, — голос Игната стал жестче, в нем прорезались стальные нотки. — Мы столько лет терпели, осталось немного. Ты же не хочешь всё потерять из-за истерики?

— Чего ждать, Игнат?! — взвизгнула Люба. — Чего?! Пока она напишет завещание? Ей пятьдесят пять, она здорова как лошадь! Она нас всех переживет со своими пчелами и здоровым образом жизни! Ты обещал мне! Ты говорил: «Люба, еще год, и мы уедем». Прошло пять лет! Я старею в ожидании, пока ты играешь в любовь с моей матерью!

Послышался шорох одежды, затем звук поцелуя — влажный, жадный. Я зажмурилась, чувствуя, как к горлу подсту-

пает желчь.

— Ты не стареешь, ты расцветаешь, — прошептал Игнат. — Ты мой огонь, Люба. Моя сладкая девочка. А она... Посмотри на неё. Она же высыхает. Да, она держится, фасад красивый, но внутри — труха. Старая карга, которая возомнила себя королевой.

Старая карга.

Эти два слова ударили сильнее, чем пощечина. Сильнее, чем новость об измене. Они уничтожили меня как женщину. Пятнадцать лет он говорил мне, что я богиня. Что я лучше любых молодых. Что моя зрелость — это вино, а не уксус. И всё это время он видел во мне «старую коргу».

— Мне противно, когда ты её целуешь, — всхлипнула Люба, но в её голосе уже было меньше злости и больше капризной похоти. — Мне противно видеть это дурацкое кольцо на её пальце. Оно должно быть моим!

— Оно и есть твое, глупая, — усмехнулся Игнат. — Всё это — твое. Пасека, дом, земля. Я уже перевел основные контракты на новую фирму. Поля даже не заметила, она подписывает всё, что я ей подсовываю. Еще пару месяцев, закроем сезон, и я объявлю, что у нас финансовые проблемы. Убедим её продать активы за копейки... нужным людям. То есть нам. И тогда она останется в своем пустом доме с пенсией, а мы с тобой и Ниной начнем новую жизнь. На море, как ты хотела.

Я сползла по стене, чувствуя, как деревянные занозы впиваются в кожу сквозь тонкий шелк платья. Мои ноги отказа-

лись меня держать.

Это было не просто предательство. Это было убийство. Хладнокровное, спланированное ограбление. Они не просто спали вместе. Они годами ждали момента, чтобы выпотрошить мою жизнь, забрать дело моих рук, мой дом, мое будущее. И делали это самые близкие люди. Дочь, которую я выносила. И муж, которого я создала.

— А Нина? — тихо спросила Люба. — Что мы скажем Нине?

— Скажем, что папа наконец-то вернулся из долгой командировки, — Игнат рассмеялся, тихо и самодовольно. — И теперь мы всегда будем вместе. Всё, иди ко мне. У нас есть пять минут, пока нас не хватились.

— Здесь? На столе? Фу, тут мышами воняет...

— Зато здесь нас никто не услышит. Иди сюда...

Я услышала звук расстегиваемой молнии. Тяжелое дыхание. Скрип старого стола.

В моей голове наступила звенящая, абсолютная тишина. Эмоции исчезли. Боль, обида, шок — всё выгорело за долю секунды, оставив после себя ледяную пустыню. В этой пустыне не было места слезам. Там было место только для ненависти. Чистой, дистиллированной ненависти.

Я посмотрела на свои руки. Пальцы судорожно сжимали граненый графин. Костяшки побелели. Я не чувствовала своих рук. Я была просто оболочкой, внутри которой бушевал лесной пожар.

Мой взгляд упал на полку рядом. Там стояли ряды бутылей с темной жидкостью. Настойка на пчелином подморе. Лекарство. Яд. Всё зависит от дозы.

Я должна была уйти. Выбежать, закричать, позвать людей. Но я не могла пошевелиться. Я стояла и слушала. Слушала каждый стон своей дочери, каждый вздох своего мужа. Я впитывала эти звуки, чтобы они навсегда выжгли во мне любую жалость. Чтобы, когда придет время наносить удар, у меня не дрогнула рука.

Их шепот, их возня за стеной казались мне кощунством. Они оскверняли мое убежище. Мой храм.

В какой-то момент графин в моих руках просто не выдержал давления. Или, может быть, я сама, не осознавая того, сжала его слишком сильно, пытаюсь раздавить не стекло, а горло Игната.

Раздался резкий, сухой треск. Толстое стекло лопнуло.

Осколки брызнули в разные стороны. Я почувствовала, как что-то острое полоснуло по ладони, но боли не было. Только тепло. Горячая, липкая жидкость потекла по пальцам, капая на земляной пол.

Звон разбитого стекла прозвучал в тишине омшаника как выстрел.

За перегородкой всё стихло мгновенно.

— Что это? — испуганный шепот Любы.

— Тсс... — голос Игната напрягся. — Мыши, наверное.

Банку свалили.

— Игнат, мне страшно. А вдруг кто-то вошел?

— Я бы услышал дверь. Тихо. Одевайся.

Я стояла, глядя на свою окровавленную ладонь. Кровь была темной, почти черной в полумраке. Она смешивалась с грязью на полу. Я разжала пальцы, и остатки горлышка графина упали вниз, глухо ударившись о землю.

Я не стала ждать, пока они выйдут и найдут меня. Во мне проснулся инстинкт зверя — раненого, но смертельно опасного. Зверя, который знает, что нападать сейчас нельзя. Сейчас нужно уйти в тень,лизать раны и подготовить западню.

Я сделала шаг назад. Потом еще один. Медленно, бесшумно, ступая след в след. Шум дождя снаружи был моим союзником.

Когда я вышла из омшаника, ливень всё так же хлестал землю. Но я его больше не чувствовала. Я была мокрой насквозь, мое платье было испорчено, туфли в грязи, а с руки капала кровь. Но я не чувствовала холода.

Внутри меня разгоралось пламя.

Я посмотрела на светящиеся окна своего дома. Там, на веранде, продолжался праздник. Праздник в честь женщины, которой больше не существовало. Полина-жена, Полина-мать умерла там, в темноте, среди запаха мышей и измены.

Родилась новая Полина. Медовая королева, у которой украли улей.

Я достала из кармана носовой платок, туго перевязала порезанную ладонь, затягивая узел зубами. Боль наконец-то пробилась сквозь шок, но она была приятной. Отрезвляющей.

— Степан Ильич хотел настойку, — прошептала я в темноту, и мой голос был похож на скрежет металла. — Он её получит. Но не сегодня.

Я не пошла к дому. Я свернула к летней кухне, где был запасной выход и аптечка. Мне нужно было привести себя в порядок. Умыться. Смыть с себя эту грязь. И вернуться к гостям.

Я должна закончить этот вечер. Я должна произнести финальный тост. Я должна посмотреть им в глаза и улыбнуться.

Потому что месть — это блюдо, которое подают холодным. И я собиралась заморозить их обоих до костей.

Я подняла голову к черному небу и глубоко вдохнула запах озона. Точка невозврата была пройдена. Мост за моей спиной догорал, и я сама поднесла к нему спичку.

Глава 6

Я ворвалась в летнюю кухню, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной, ловя ртом воздух. Здесь пахло сушеным укропом, старой древесиной и хозяйственным мылом — запахами моего детства, моего труда, моей настоящей жизни.

Дыхание вырывалось из груди хриплыми толчками. Левая рука горела огнем, кровь продолжала сочиться сквозь наспех завязанный носовой платок, пропитывая ткань темными, густыми пятнами. Но эта боль была спасением. Она была единственной точкой опоры в мире, который десять минут назад перевернулся с ног на голову и рухнул мне на плечи бетонной плитой.

Я подошла к раковине и рванула кран. Ледяная вода ударила в эмалированное дно.

Зеркало над умывальником было старым, с пятнами ржавчины по краям. Из него на меня смотрела женщина, которую я не знала. Мокрые пряди прилипли к вискам, тушь потекла, превратив глаза в черные провалы, губы побелели.

— Старая карга, — прошептала я, пробуя эти слова на вкус. Они горчили, как полынь.

Я всмотрелась в свое отражение. Где он увидел каргу? В этих высоких скулах? В шее, на которой, да, появились кольца Венеры, но кожа оставалась упругой? В глазах, которые еще утром сияли от счастья?

Нет. Дело не во мне. Дело в нем. Чтобы оправдать свою низость, предателю нужно обесценить жертву. Превратить жену в обузу, в «старуху», в препятствие. Так легче воровать. Так легче спать с её дочерью.

Я сунула порезанную руку под струю воды. Холод обжег рану, смывая кровь и грязь омшаника. Я смотрела, как розовая вода уходит в слив, и представляла, что вместе с ней утекает моя любовь к Игнату. Пятнадцать лет. Пятнадцать лет я грела змею, которая ждала момента, чтобы укусить меня в самое сердце.

Действовать нужно было быстро. Если я останусь здесь еще на пять минут, я начну выть. А выть нельзя. Хищники чувствуют слабость.

Я открыла навесной шкафчик. Аптечка была на месте. Перекись зашипела на ране, вспениваясь белой шапкой. Я стиснула зубы, не издав ни звука. Бинт лег ровными, тугими витками, скрывая порез. Сверху я нашла эластичную сетку — надежно.

Теперь платье. Мокрый шелк лип к телу, вызывая дрожь. В углу на вешалке висел мой старый кардиган крупной вязки — уютный, бежевый, который я надевала прохладными вечерами, когда мы с Игнатом пили чай на веранде. Теперь он послужит броней.

Я стянула с себя намокший верх платья, промокнула кожу полотенцем и накинула кардиган, запахнув его поплотнее. Длинные рукава скрыли забинтованную руку.

С лицом было сложнее. Я умылась, жестко растирая кожу, пока на щеках не выступил румянец. Смыла остатки "праздничного" макияжа. Теперь я была бледной, но собранной. Взгляд стал другим. Из него исчезла мягкость. Зрачки сузились. В зеркале отражалась не жена и не мать. Отражался расчетливый делец, у которого пытаются отобрать бизнес.

— Ты не сломаешься, Полина, — сказала я своему отражению. Голос прозвучал глухо, но твердо. — Ты пережила девяностые, пережила первый развод, пережила засуху и мор пчел. Переживешь и этого альфонса.

Я глубоко вдохнула, расправила плечи и толкнула дверь.

Снаружи дождь сменился мелкой, противной моросью. Воздух стал холодным и сырым, но мне было жарко от внутренней ярости. Веранда гудела. Гости, сбившиеся под навес, уже дошли до той кондиции, когда погода не имеет значения, а имеет значение только количество налитого.

Я шла к ним, чувствуя каждый свой шаг. Земля под ногами была мягкой, податливой, но я ступала так, будто вбивала сваи.

— А вот и хозяйка! — первым меня заметил Степан Ильич. Он сидел, развалившись на плетеном стуле, и крутил в руках пустую рюмку. — Полина Сергеевна, ну где же эликсир? Мы тут уже замерзли тебя ждать!

Игнат, стоявший у стола с бутылкой вина, резко обернулся. Я увидела, как его взгляд метнулся к моим рукам, а потом на лицо. Он искал признаки того, что я была в омшанике.

Что я слышала. В его глазах мелькнул животный страх, но он тут же прикрыл его маской заботы.

Я подошла к столу, не отводя взгляда от соседа.

— Простите, Степан Ильич, — мой голос был спокойным, даже слегка виноватым. Идеальная интонация. — Не судьба сегодня попробовать настойку. Разбила я её.

За столом повисла короткая тишина.

— Как разбила? — моргнул сосед.

— Темно там, в саду, — я подняла левую руку, скрытую рукавом кардигана, и слегка поморщилась. — Поскользнулась на мокрой траве, графин выронила. Руку вот поранила осколками. Пришлось в летнюю кухню бежать, кровь оставливать.

Я посмотрела на Игната. Я видела, как его плечи опустились. Выдох облегчения был почти слышен. Он поверил. Он так хотел поверить в то, что я — неуклюжая, стареющая женщина, которая просто споткнулась в темноте, что даже не усомнился. Версия была гладкой, как галька.

— Ох, Полечка! — Игнат тут же подскочил ко мне, изображая бурную деятельность. — Ну что же ты меня не позвала? Я бы сам сходил! Сильно порезалась? Врача надо?

Он потянулся к моей руке. Я едва сдержалась, чтобы не отшатнуться. Его прикосновение теперь казалось грязным,

заразным. Я мягко, но настойчиво убрала руку за спину.

— Пустяки. Царапина. Я уже всё обработала. Не суетись, Игнат. Не порти людям праздник.

Я прошла к своему месту во главе стола и села. Игнат тут же плеснул мне вина в бокал.

— Выпей, Поля. Для нервов. И согреешься.

— Воды, — коротко бросила я. — Налей мне ледяной воды.

Он удивился, но спорить не стал. Прозрачная жидкость наполнила бокал. Я сделала глоток. Холодная вода обожгла горло, приводя мысли в кристальную ясность.

Я сидела и смотрела на этот пир во время чумы. Гости ели, пили, смеялись. Кто-то уже начал петь под гитару в углу веранды. Люба сидела, закинув ногу на ногу, и лениво ковыряла вилкой в тарелке. Нина спала на диванчике, укрытая пледом Игната. Идиллия.

Мой взгляд упал на Игната. Он стоял рядом, что-то рассказывая соседу, и смеялся, запрокидывая голову. Зубы белые, шея крепкая. «Хозяин».

В голове щелкнул невидимый тумблер. Эмоции отключились. Включилась бухгалтерия.

«Я перевел основные контракты», — сказал он Любе.

Я начала вспоминать. Прошлый месяц. Он принес мне

стопку бумаг на подпись, когда я была по локоть в работе, пересаживала маток. «Поля, тут для налоговой, оптимизация, подмахни, чтобы штрафов не было». Я подписала. Не читая. Я доверяла ему.

Позапрошлый месяц. Крупный платеж от оптовиков из Москвы задержался. Игнат сказал: «У них проблемы с банком, переведут частями». Деньги пришли, но с другого счета. С фирмы-прокладки?

Новый внедорожник. «Лизинг на фирму, Поля, это выгодно, спишем в расходы». Теперь я понимала, на какую фирму оформлен лизинг. Скорее всего, не на «Золотую соту».

Он не просто спал с моей дочерью. Он методично, год за годом, вынимал фундамент из-под моего дома, чтобы в один прекрасный день я проснулась на руинах.

Я посмотрела на свою правую руку. На безымянном пальце сверкало кольцо. Бриллиант ловил отблески фонарей, переливаясь зловещим блеском.

Сколько он стоил? Полмиллиона? Миллион? Это были деньги на новую линию фасовки, которую мы планировали купить осенью. Он украл их у меня, купил на них кольцо, подарил мне же, чтобы заткнуть рот, а потом планировал забрать всё остальное.

Гениально. Цинично. И так мерзко, что мне захотелось вымыть руки с хлоркой.

— ...и вот я говорю ему: фундамент надо укреплять! — голос Игната ворвался в мои мысли. Он всё еще вещал, упи-

ваясь вниманием публики.

Я перевела взгляд на Любу. Она уже немного опьянела. Её глаза блестели, щеки покраснелись. Она смотрела на Игната с неприкрытым вожделением, даже не пытаясь скрываться. Ей казалось, что она победила. Что старая мать сидит тут, мокрая, жалкая, с перевязанной рукой, и ничего не понимает.

Внутри меня поднялась холодная, темная волна. Материнская любовь? Её больше не было. Она осталась там, в омшанике, вместе с разбитым графином. Я смотрела на женщину, которая сидела напротив, и видела не свою дочь. Я видела паразита. Наглого, жадного паразита, который присосался к моей жизни и решил, что имеет право сожрать носителя.

Мне стало удивительно спокойно. Страх исчез. Осталась только цель. Уничтожить. Раздавить. Вернуть свое.

Игнат, почувствовав мой пристальный взгляд, обернулся. Он улыбнулся мне — широко, открыто. Подошел сзади, положил руку мне на плечо, слегка сжав его.

— Поля, ты какая-то совсем ледяная, — прошептал он, наклонившись к моему уху. От него пахло дорогим парфюмом и чужой женщиной. — Рука сильно болит? Может, ну их, гостей? Уедем пораньше, я тебе ванну наберу...

Он прощупывал почву. Искал слабинку. Хотел убедиться, что я всё еще его послушная кукла.

Я медленно, очень медленно повернула голову. Наши ли-

да оказались в сантиметрах друг от друга.

Я посмотрела ему прямо в зрачки. Я не моргала. Я вложила в этот взгляд всю ту пустоту, что сейчас царила у меня внутри. Всю ту мертвую тишину омшаника.

— Убери. Руку. — произнесла я одними губами. Не громко. Но так, что мороз пошел по коже даже у меня самой.

Игнат замер. Его улыбка сползла, как приклеенная маска. В его расширенных зрачках я увидела отражение своего лица — каменного, безжизненного, страшного.

Он впервые за вечер, а может, и за все пятнадцать лет, испугался меня по-настоящему. Не как капризной жены, а как опасного врага.

Он отдернул руку, словно обжегся. Отступил на шаг.

— Поля?.. — его голос дрогнул.

Я не ответила. Я взяла серебряную вилку и легонько ударила ею по хрустальному бокалу с водой.

Тонкий, чистый звон прорезал шум праздника.

Дзынь. Дзынь. Дзынь.

Разговоры начали стихать. Люди оборачивались. Гитарист перестал играть. Все взгляды устремились на меня — на хозяйку, сидящую с прямой спиной, в накинутах на плечи старом кардигане, но с осанкой императрицы.

Игнат стоял рядом, бледный, растерянный. Люба перестала жевать, её вилка застыла в воздухе. Она почувствовала перемену в атмосфере. Воздух сгустился, стал тяжелым, как

перед ударом молнии.

Я медленно поднялась. Стул скрипнул по деревянному настилу. Я обвела всех присутствующих взглядом. Соседи, друзья, "нужные люди". Свидетели моего позора. И свидетели моего триумфа.

— Я хочу сказать тост, — мой голос был ровным, звонким, он легко перекрывал шум дождя. — Самый главный тост этого вечера.

Я посмотрела на Игната. Он стоял, словно кролик перед удавом, не в силах пошевелиться.

— Прошу внимания. То, что я сейчас скажу, касается каждого, кто сидит за этим столом.

Я сделала паузу, наслаждаясь тишиной. Время маскарада закончилось. Пора срывать маски. Вместе с кожей.

Глава 7

Дождь усилился, превратившись в сплошной водяной занавес, отсекающий нас от остального мира. Но под навесом веранды стояла звенящая, неестественная тишина. Звук вилки о хрусталь все еще вибрировал в воздухе, словно последнее предупреждение перед катастрофой.

Я стояла во главе стола. Мой старый бежевый кардиган, брошенный поверх мокрого шелка, казался мантией судьи. Я видела их всех: растерянных соседей, замерших с вилками у ртов; Степана Ильича, нахмурившего кустистые брови; музыкантов, опустивших инструменты. И, конечно, я видела их. Игната и Любу.

Игнат все еще держал на лице ту самую заискивающую полуулыбку, которая начала сползать, превращаясь в гримасу ужаса. Он понимал. Он читал в моих глазах свой приговор, но его мозг, привыкший к безнаказанности, отказывался верить в происходящее.

— Поля, — он сделал шаг ко мне, протягивая руку. — Поля, ты бледная. Давай я...

— Сядь, — мой голос был тихим, но в нем было столько стали, что Игнат рухнул на стул, словно ему подрезали сухожилия.

Я медленно сняла с пальца кольцо. Бриллиант, купленный на мои же украденные деньги, сверкнул в свете фонарей хо-

лодно и зло. Я посмотрела на него с брезгливостью, будто держала за хвост дохлую мышь.

— Ты сказал, что хочешь подарить мне подарок, достойный королевы, — произнесла я, глядя мужу прямо в глаза. — Ты сказал, что это символ нашей вечной любви.

Игнат закивал, пытаясь уцепиться за привычную ложь:

— Конечно, любимая! Это...

Я разжала пальцы. Кольцо упало в его бокал с красным вином. Тяжелый всплеск — и рубиновые капли брызнули на его белоснежную крахмальную рубашку, расплываясь пятнами, похожими на кровь.

— Я не принимаю краденое, Игнат. И я не принимаю ложь.

По рядам гостей прошел шелест. Кто-то ахнул. Степан Ильич с шумом поставил свою рюмку на стол.

— Полина Сергеевна, что происходит? — басом спросил он, глядя исподлобья на Игната.

Я перевела взгляд на Любу. Дочь сидела, вцепившись в край стола. Её лицо пошло красными пятнами, но в глазах горел пьяный, дерзкий огонь. Она знала, что сейчас произойдет, и готовилась к прыжку.

— Сегодня юбилей, — продолжила я, и мой голос окреп, заполняя собой всё пространство веранды. — И принято дарить подарки имениннице. Но я, как хозяйка этого дома, хочу изменить традицию. Я хочу сделать подарок своему мужу

и своей дочери.

Я сделала паузу. В тишине было слышно только, как барабанит дождь по крыше и как тяжело, с хрипом дышит Игнат.

— Я дарю вам друг друга, — четко, разделяя каждое слово, произнесла я. — Я дарю вам свободу от необходимости прятаться по омшаникам, шептаться по углам и врать мне в глаза. Я дарю вам возможность называть друг друга любовниками открыто. И самое главное... я дарю Нине право называть своего отца папой, а не дядей.

Тишина взорвалась. Это было похоже на детонацию вакуумной бомбы. Сначала — мертвая секунда осознания, а потом — общий выдох ужаса и отвращения.

— Полина! — Игнат вскочил, опрокинув стул. Его лицо стало серым. — Ты что несешь?! Ты пьяна? У тебя горячка?! Люди, не слушайте её! Она ударилась головой, она бредит!

Он метался взглядом по лицам гостей, ища поддержки, но наткнулся только на стены непонимания и осуждения.

— Бредит? — я усмехнулась. Это была страшная усмешка, от которой у Игната дернулся глаз. — «Старая карга», кажется, так ты меня назвал полчаса назад в омшанике? «Она скоро всё отдаст сама». «Потерпи, Любаша, еще немного». Я ничего не перепутала, Игнат?

Игнат застыл с открытым ртом. Он понял, что я слышала. Каждое слово. Каждый звук их животной возни. Его алиби рассыпалось в прах.

— Мама, ты всё не так поняла! — взвизгнула Люба, вска-

живая. Но это была не мольба о прощении. Это была атака. — Мы просто... мы обсуждали сюрприз!

— Сюрприз? — я посмотрела на неё с ледяным спокойствием. — Сюрприз в том, что ты спишь с моим мужем уже пять лет? Сюрприз в том, что моя внучка — это моя падчерица? Или сюрприз в том, что вы планировали ободрать меня до нитки и выкинуть на улицу?

Люба затряслась. Алкоголь, страх и накопившаяся за годы зависть сорвали с неё последние тормоза.

— Да! — закричала она, и этот крик был похож на визг циркулярной пилы. — Да! Мы спим! И что?! Ты посмотри на себя и на него! Ты его купила, мама! Ты его душила своей заботой! А он мужчина, ему нужна молодая женщина, а не мамочка! Мы любим друг друга! Мы любим! А ты... ты просто старая завистливая дура, которая не хочет отпускать свое!

Гости замерли. Степан Ильич медленно поднялся, вытер салфеткой рот и, не говоря ни слова, отодвинулся от стола, словно боясь испачкаться о воздух, которым дышали эти двое.

— Люба, заткнись! — заорал Игнат, понимая, что она топчет их обоих.

— Нет, пусть говорит, — я стояла не шелохнувшись. — Пусть все слышат.

— Мы семья! — Люба ткнула пальцем в сторону спящей Нины. — У нас ребенок! Общий! А ты нам мешала! Ты укра-

ла у нас пять лет жизни!

— Я украла? — я рассмеялась, и этот смех был сухим и коротким. — Я дала тебе дом. Я кормила твоего ребенка. Я дала твоему любовнику работу, имя и деньги. Но ты права, Люба. Я мешала. Больше не буду.

Я резко повернулась к Игнату.

— Вон.

Он моргнул, словно не расслышал.

— Что? Поля, давай поговорим... Завтра, когда ты успокоишься... Это всё ошибка, наваждение...

— Вон из моего дома, — повторила я громче. — Оба. Сейчас же.

— Это и мой дом тоже! — вдруг оскалился Игнат, поняв, что терять нечего. В нем проснулся тот самый уличный хабалка, которого я в нем так старательно душила пятнадцать лет. — Я здесь пахал как проклятый! Я строил, я вкладывал! Ты не имеешь права меня выгонять на ночь глядя!

— Этот дом, — я чеканила слова, — построен на земле, принадлежавшей моему отцу. Он оформлен на меня. Брачный контракт, который ты подписал пятнадцать лет назад, не глядя, потому что был слишком рад, что богатая баба тебя подобрала, гласит: в случае измены ты уходишь с тем, с чем пришел.

— Я не уйду! — он сжал кулаки и шагнул ко мне.

Алеша, тот самый тихий сосед, вдруг оказался между нами. За ним встал Степан Ильич, а потом еще двое мужчин — мужья моих подруг. Они молча, стеной, отгородили меня от Игната.

— Слышь, Игнат, — тихо сказал Степан Ильич. — Тебе женщина сказала: вон. Имей совесть уйти сам, пока мы тебе ноги не переломали. С падчерицей спать... Тьфу, мерзость.

Игнат отступил. Он посмотрел на эту стену мужских спин и понял, что здесь он больше не «свой парень». Он — изгой. Прокаженный.

— Хорошо, — прошипел он, глядя на меня поверх плеча Алеши. — Хорошо, Полина. Ты пожалеешь. Без меня твоя пачка загнется за месяц. Ты приползешь ко мне!

Я не ответила. Я развернулась и пошла в дом.

Я поднималась по лестнице, не чувствуя ног. Сердце колотилось где-то в горле, раненая рука пульсировала болью, но я не останавливалась. Я вошла в нашу спальню. В комнату, где я была счастлива. Где я верила ему.

Запах его одеколona все еще витал в воздухе. На спинке стула висел его домашний халат. На тумбочке — часы, телефон, какие-то мелочи.

Я не стала искать чемоданы. Чемоданы — это для тех, кто уезжает в путешествие. А мусор выносят в мешках.

Я открыла шкаф. Рванула с вешалок его дорогие костюмы, которые мы выбирали вместе в Италии. Рубашки, галстуки, джинсы. Я сбросила их в охапку, не заботясь о том,

что ткань мнется или рвется. Я чувствовала себя хирургом, вырезающим гангрену.

Я подошла к окну. Оно выходило прямо на веранду и подъездную дорожку, где сейчас под дождем стоял Игнат, пытаюсь сохранить остатки достоинства перед гостями.

Я распахнула створки. Ветер и дождь ворвались в спальню, раздувая шторы.

— Лови, хозяин! — крикнула я в темноту.

И вышвырнула охапку одежды вниз.

Костюмы, рубашки, белье — все это полетело в грязь, в лужи, разлетаясь белыми и серыми пятнами по мокрой земле.

Игнат внизу дернулся, отскочил, когда тяжелый ботинок упал рядом с ним.

— Ты что творишь, сука?! — заорал он, забыв про маску интеллигента. — Это же «Бриони»!

— Это тряпки! — крикнула я в ответ. — Забирай свои тряпки и убирайся!

Я вернулась к шкафу. На верхней полке лежал его «тревожный чемоданчик» с документами и записочкой, о которой он думал, что я не знаю. Я схватила его и швырнула следом. Чемодан раскрылся в полете, и бумаги белым веером разлетелись по грязи, тут же намокая под ливнем.

Это было зрелище. Гости, стоящие под навесом, молчали. Никто не пытался меня остановить. Они видели справедли-

вый суд.

Игнат бегал по двору, пытаясь собрать свои вещи. Его белая рубашка прилипла к телу, волосы слиплись, брюки были забрызганы грязью. Он хватал мокрый пиджак, пытался стряхнуть с него комья земли, матерился. Он выглядел жалким. Ничтожным.

Люба в это время тащила к машине проснувшуюся и ревущую Нину. Девочка упиралась, не понимая, почему её тащат в ночь, почему кричит бабушка и почему «папа Игнат» ползает в грязи.

— Мама, я хочу к бабуле! — плакала Нина.

— Заткнись! — орала на неё Люба. — Бабушка нас выгнала! Она нас ненавидит! Садись в машину!

Люба запихнула ребенка на заднее сиденье и обернулась ко мне. Она стояла под дождем, мокрая, с потекшей тушью, похожая на злую ведьму.

— Чтоб ты сдохла одна в своем доме! — провизжала она, глядя на меня в окне. — Ты старая, никому не нужная ветошь! Мы уедем, и ты сгниешь здесь!

Я смотрела на неё сверху вниз. И чувствовала только одно — облегчение. Гнойник вскрылся. Да, было больно, кровило, но яд вышел наружу.

Игнат, прижимая к груди охапку мокрой одежды и полупустой чемодан, подбежал к машине Любы. Он попытался сесть за руль, но Люба оттолкнула его.

— Я поведу! Ты пьян! Садись назад!

Он, покорный и униженный, полез на заднее сиденье, к плачущей дочери.

Машина взревела, сверкнула фарами, осветив на прощание мой разрушенный праздник, и рванула с места, разбрызгивая грязь. Красные огни растворились в пелене дождя.

Я закрыла окно.

В комнате стало тихо. Только шум дождя и мое дыхание. Я прислонилась лбом к холодному стеклу.

Внизу гости начали расходиться. Тихо, без лишних слов. Они понимали: спектакль окончен, и хозяйке нужно остаться одной. Я видела, как Алеша помогал собирать со столов нетронутые блюда, как Степан Ильич что-то говорил музыкантам, расплачиваясь с ними (видимо, из своих, чтобы не тревожить меня).

Через десять минут двор опустел.

Я спустилась вниз. В доме было пусто и гулко. Праздничный стол выглядел как надгробие.

Я не стала убирать. Не стала плакать. Я прошла на кухню, открыла ящик с инструментами. Моя рука — та, что не была перебинтована, — уверенно легла на холодную рукоять тяжелого молотка. В другую руку я взяла горсть длинных, сто-миллиметровых гвоздей.

Я вышла во двор. Дождь не прекращался, но он больше не казался мне врагом. Он смывал следы Игната с дорожек.

Я пошла к калитке. К той самой зеленой деревянной калитке в живой изгороди, которая соединяла мой участок с участком Любы. Пять лет назад я прорубила этот проход, чтобы Нина могла бегать ко мне без опаски. Чтобы мы были одной семьей.

Теперь этот проход был зияющей раной в моей обороне.

Я приставила к калитке толстую доску, которую нашла у сарая. Прижала её коленом.

Первый удар молотка прозвучал глухо, утонув в шуме дождя. Я била с яростью. Я представляла, что забиваю гвозди в крышку гроба их предательства.

Удар. Еще удар. Гвоздь вошел в дерево по самую шляпку, с хрустом прошив древесину.

Я взяла вторую доску. Третью. Я заколачивала проход крест-накрест, превращая его в глухую баррикаду. Боль в порезанной руке вернулась, но я игнорировала её. Эта физическая боль заглушала ту, что раздирала душу.

Когда доски закончились, я достала из кармана кусачки и подошла к замку. Щелчок — и дужка перекушена. Я намотала на ручки толстую проволоку и закрутила её плоскогубцами так, что развязать это можно было только автогеном.

Всё.

Я отступила на шаг, тяжело дыша. Дождь смешивался с потом на моем лице. Я смотрела на заколоченную калитку, и мне казалось, что я только что построила дамбу, которая спасет меня от наводнения грязи.

Здесь больше нет прохода. Здесь стена.

Я развернулась и пошла к дому. Мои ноги увязали в грязи, но спина была прямой. Я была одна. В пустом, огромном доме, с разрушенным бизнесом (как обещал Игнат) и разбитым сердцем.

Но я была хозяйкой этого дома. И я была жива.

Я поднялась на крыльцо, стряхнула воду с волос и вошла внутрь, заперев за собой тяжелую дубовую дверь на два оборота. Щелчок замка прозвучал как выстрел в тишине.

Юбилей закончился. Началась новая жизнь. И в этой жизни я больше никому не позволю называть меня «старой каргой».

Глава 8

Дверь дома Любы открылась с противным, ноющим скрипом, который я раньше почему-то не замечал.

Наш «побег в новую жизнь» закончился, не успев начаться. Весь пафос, с которым Люба вдавила педаль газа, выезжая со двора Полины, испарился ровно через две минуты. Мы проехали двести метров — выехали на дорогу, свернули за угол и уткнулись в ворота Любиного дома.

— Дальше не поеду, — буркнула она, глуша мотор. — Ливень стеной, ничего не видно. И гаишники на выезде из села часто стоят. Я пила, ты пил. Прав лишат — вообще сдохнем. Переночуем у меня, утром решим.

Так мы и оказались здесь. В этой сырой, холодной ловушке, вместо того чтобы мчаться по трассе в город, как победители.

Я шагнул через порог и тут же наступил в лужу, натекшую с зонта, брошенного кем-то в углу прихожей. Мои итальянские туфли из тонкой кожи, уже и так убитые грязью во дворе Полины, жалобно чавкнули.

— Заходи быстрее, не стой столбом! — рывкнула Люба, вталкивая впереди себя хнычущую Нину. — Тепла напустишь, и так сыростью несет.

Я ввалился в коридор, прижимая к груди охапку мокрой, грязной одежды. Мой светло-серый пиджак «Бриони», за

который я отдал две своих месячных «официальных» зарплаты, теперь напоминал половую тряпку, которой вымыли подъезд в хрущевке. С рукава капала мутная жижа, стекая прямо на мои брюки.

В нос ударил спертый, тяжелый запах. Пахло нестираным бельем, дешевым освежителем воздуха «Морской бриз» и чем-то кислым — то ли прокисшим супом, то ли кошачьим лотком, хотя кота у Любы не было.

Я невольно задержал дыхание. Мой организм, привыкший за пятнадцать лет к стерильной чистоте дома Полины, к тонкому аромату лаванды и воска, к свежести накрахмаленных простыней, взбунтовался. Меня едва не вывернуло наизнанку прямо на потертый линолеум.

— Папа Игнат, я хочу кушать... — заныла Нина, дергая меня за мокрую штанину.

Я посмотрел на дочь. В свете тусклой лампочки она выглядела жалко: растрепанная, с красными от слез глазами, в нарядном платье, на которое Люба в спешке пролила сок.

— Отстань от него! — Люба швырнула ключи на тумбочку, сбив при этом стопку рекламных газет. — Иди в комнату, переодейся.

Она повернулась ко мне, и я впервые увидел её без той самой «дымки» страсти. Тушь размазалась черными кругами, красная помада съелась, обнажив тонкие, злые губы. Мокрая прядь волос прилипла к щеке. Передо мной стояла не роковая любовница, ради которой я рискнул всем, а уставшая,

истеричная баба с рынка.

— Ну? — она уперла руки в бока. — Долго будешь стоять с этим мусором? Бросай в ванную, завтра постираю. Хотя... — она окинула взглядом ком грязи в моих руках. — Такое только на помойку.

Я прошел в кухню и свалил одежду на единственный свободный стул. Полураскрытый чемодан, который я чудом успел подхватить с земли, я поставил на стол, сдвинув в сторону гору невымытых чашек с засохшими ободками чая.

Кухня Любы была тесной, заставленной каким-то хламом. На плите стояла кастрюля с присохшими макаронами. На подоконнике вял цветок, который я подарил ей на Восьмое марта. Люба последнее время сюда приезжала только на выходные, а так жила в городе, в старой однокомнатной хрущевке, которую 10 лет назад помогла купить ей Полина. А что делать, говорила Полина, на работу в город каждый день не ездишься..

Я сел на табуретку. Ноги гудели, голова раскалывалась. Алкоголь, выпитый на празднике, начал выветриваться, оставляя после себя чудовищную, звенящую пустоту и страх.

— Мама, ну дай поесть! — Нина снова появилась в дверях, уже в пижаме с зайцами.

— Господи, да отстань ты от меня! — взвизгнула Люба, открывая холодильник.

Я машинально заглянул внутрь через её плечо. Пустота. Одинокая банка дешевого майонеза, половинка засохшего

лимона, начатая пачка сосисок и бутылка вина.

Желудок скрутило спазмом. Перед глазами поплыли картинки: длинный стол под навесом у Полины, блюда с запеченной уткой, источающей аромат яблок и корицы, салаты с кедровыми орешками, нарезка из домашней буженины, горячие пироги с капустой... Всё это осталось там. В раю, из которого меня только что изгнали.

— На, жри, — Люба кинула на стол пачку крекеров. — Больше ничего нет. Я в городе три дня была.

Нина схватила печенье и забилась в угол диванчика, хрустя как маленький испуганный грызун.

— Ты мог бы и промолчать там, в омшанике, — вдруг сказала Люба, доставая бутылку вина и наливая себе прямо в чашку, потому что чистых бокалов не нашлось. — Если бы ты её не провоцировал...

— Я провоцировал?! — я вскочил, опрокинув табуретку. Ярость, горячая и липкая, ударила в голову. — Это ты устроила истерику! «Я устала ждать, я хочу всё и сразу»! Твой длинный язык нас погубил!

— Не ори на меня! — она шагнула ко мне, и я почувствовал запах перегара. — Ты мужик или кто? Ты пятнадцать лет жил у неё под каблуком! Примак! А теперь, когда она нас вышвырнула, ты даже защитить меня не смог! Стоял там, как побитая собака, и смотрел, как она твои шмотки в грязь кидает!

— Заткнись! — я схватил её за плечи и встряхнул. — Ты

хоть понимаешь, что ты наделала? Ты понимаешь, чего мы лишились?

— Я-то понимаю! — она вырвалась. — Мы лишились её денег. Потому что ты, великий комбинатор, не успел перевести активы! Ты мне обещал, Игнат! «Еще месяц, еще два»... Дождался? Теперь мы в жопе! У меня кредит за машину, у тебя — ни работы, ни жилья. Добро пожаловать в реальность!

Она сделала глоток вина, скривилась и швырнула чашку в раковину. Звон разбитой посуды заставил Нину вздрогнуть и заплакать.

Я отвернулся к окну. За стеклом, по которому хлестал дождь, была чернота. Где-то там, всего в ста метрах, стоял мой дом. Мой теплый, уютный, пахнущий деревом и достатком дом. Там сейчас было тихо. Полина, наверное, уже убрала со столов. Может быть, сидит в гостиной, пьет чай...

Нет, она наверняка рыдает. Она же баба. Сильная, гордая, но баба. Сейчас первый шок пройдет, она поймет, что осталась одна в пустом доме, и ей станет страшно. Она вспомнит, как я массировал ей плечи, как решал вопросы с поставщиками, как чинил крышу. Она не сможет без меня. Не вывезет.

Эта мысль немного успокоила меня. Полина отходчивая. Ну, психанула. Ну, узнала правду. Но ведь пятнадцать лет не вычеркнешь. Я нужен ей.

Я подошел к столу и начал разбирать чемодан. «Тревожный чемоданчик», который я хранил на верхней полке шка-

фа. Там были мой загранпаспорт, документы на фирму-прокладку, которую я открыл месяц назад, и наличка — около трех тысяч долларов, моя «подушка безопасности».

Я открыл замок. Изнутри пахло сыростью.

— Черт... — выдохнул я.

Чемодан раскрылся в полете, когда Полина швырнула его из окна. Вода попала внутрь. Паспорта размокли, страницы пошли волнами. Долларовые купюры слиплись в один грязно-зеленый ком. Бумаги с печатями превратились в папье-маше.

— Твою мать! — я с силой ударил кулаком по столу. — Твою мать, Полина!

Люба подошла, глянула на месиво в чемодане и криво усмехнулась.

— Что, капитал уплыл? Вот тебе и «хозяин жизни». Ты теперь такой же нищеврод, как и все в этой деревне.

— Замолчи, — процедил я сквозь зубы. — Я всё исправлю. Она заплатит за это. За каждую испорченную бумажку.

— Ну-ну, — Люба зевнула, широко, некрасиво. — Иди спать, «исправитель». Я устала.

Она забрала Нину и ушла в спальню. Дверь захлопнулась, щелкнул замок.

Я остался один на кухне. Лампочка под потолком мигала, действуя на нервы. Я прошелся по комнате, не зная, куда себя деть. Мне нужно было в душ. Смыть с себя эту грязь, этот

пот страха и унижения.

Я зашел в ванную. Здесь было еще хуже. Плитка местами отвалилась, в углу чернела плесень. В корзине для белья горой лежали Любины вещи.

Я повернул кран. Вода потекла тонкой, ржавой струйкой. Холодная.

— Ах да... — вспомнил я. Бойлер.

Люба просила починить его еще полгода назад. «Игнат, ну посмотри, греет еле-еле, мыться невозможно». Я тогда отмахнулся: «Купи новый, я денег дам». Денег дал, но она потратила их на шмотки, а бойлер так и остался висеть полумертвым грузом. Зачем мне было париться? Я мылся у Полины, в нашей просторной душевой кабине с гидромассажем и термостатом.

Карма. Сука.

Я кое-как ополоснул лицо ледяной водой, вытерся несвежим полотенцем, которое пахло сыростью. В зеркале отразился стареющий, помятый мужик с мешками под глазами. Куда делся тот лощеный красавец, который еще три часа назад толкал тосты перед элитой района?

Вернувшись в гостиную, я рухнул на диван. Пружина впилась мне в ребро. Диван был коротким, ноги свисали. Подушка — плоская, как блин.

Я лежал в темноте, слушая шум дождя и храп за стеной (Нина храпела, у неё были аденоиды, которые мы тоже собирались лечить... за счет Полины, конечно).

Меня начала бить дрожь. Не от холода, а от осознания того, в какой глубокой яме я оказался. Без машины (ключи остались в прихожей у Полины, я выскочил в чем был). Без нормальной одежды. Без документов. Без денег на картах (Полина заблокирует доступ к семейному счету завтра же утром, если уже не сделала этого).

И главное — без статуса.

Завтра утром мне нужно будет выйти на улицу. И я встречу соседей. Степана Ильича. Алешу. Продавщицу в магазине. Все они будут смотреть на меня. И в их глазах я увижу не уважение к «Игнату Борисовичу», а презрение к «тому козлу, который спал с дочкой Зотовой».

Я сел на диване. Нет. Я не могу здесь оставаться. Я не смогу уснуть в этом хлеву.

Я посмотрел на часы на стене — дешевые, в виде кота, с тикающим хвостом. Два часа ночи.

Полина, скорее всего, не спит. Она сидит и мучается. Она ждет меня. Она ждет, что я приду, упаду в ноги, объяснюсь. Скажу, что Люба меня опоила, совратила, что это было наваждение. Поля добрая. Она строгая, но отходчивая. Она не выгонит меня на улицу в дождь, если я приду один, без «этой».

Мне нужно домой. Мне нужно в мою постель. Мне нужно забрать ключи от джипа, зарядку для телефона, нормальные вещи.

Я встал, натянул на себя подсохшие, но грязные брюки и

ту самую рубашку с пятнами вина. Пиджак надевать не стал — он был безнадежно испорчен.

Тихо, стараясь не скрипеть половицами, я вышел из дома Любы.

Дождь превратился в мелкую, противную изморось. Воздух был холодным. Я поежился.

Идти до моего дома было всего ничего — через калитку в саду. Но я вспомнил звук молотка, который доносился сквозь шум дождя час назад. Полина что-то там делала. Наверняка забаррикадировала проход.

Придется идти в обход, по улице.

Я вышел за ворота. Улица была пуста и темна. Фонари не горели — экономия сельсовета. Я шлепал по грязи в своих дорогуших туфлях, чувствуя, как жижа просачивается внутрь носков.

Вот он. Мой дом.

Окна были темными. Громада двухэтажного коттеджа из красного кирпича нависала надо мной, как неприступная крепость. Высокий забор, который я сам когда-то заказывал («чтоб никто не глазел»), теперь надежно скрывал от меня мою прошлую жизнь.

Я подошел к калитке парадного входа. Здесь стоял хороший электромеханический замок с кодовой панелью. Я знал код наизусть. Год рождения Полины и год моего рождения.

Я набрал цифры. Дрожащими пальцами.

Пик-пик-пик.

Длинный, противный сигнал ошибки.

Я моргнул. Может, ошибся? Руки замерзли. Я набрал снова. Медленно.

Пик-пик-пик. Красный огонек мигнул, как насмешка.

Она сменила код. Не может быть. Как она успела? Замок перепрограммируется изнутри, с мастер-панели. Значит, она не рыдала в подушку. Она методично, холодно отрезала мне пути к отступлению.

— Ладно, — прошептал я. — Ладно, Поля. Ты хочешь поиграть?

Я похлопал по карманам и нашел связку ключей. У меня был механический ключ, на случай отключения электричества. Этот замок можно было открыть вручную.

Я вставил длинный ключ в скважину. Он вошел туго. Я попытался повернуть.

Ключ не двигался. Ни на миллиметр.

Я навалился плечом на калитку, дернул ручку. Заперто намертво.

— Да что за черт?! — я с силой ударил кулаком по металлу.

Изнутри замок был заблокирован "вертушкой". Или, что еще хуже, она вставила в скважину изнутри другой ключ и повернула его, заблокировав механизм. Я сам учил её этому приему: «Поля, если страшно, закрывайся так, никакой медвежатник не вскрыет».

Я стоял перед закрытой дверью своего дома. Дома, где

остались моя ортопедическая подушка, мой бар с дорогим коньяком, мой ноутбук, моя жизнь.

Я поднял голову и посмотрел на окна спальни. Темнота. Глухая, равнодушная темнота.

— Поля! — крикнул я, не выдержав. — Полина! Открой. Это я! Хватит дурить! Мне холодно!

Мой голос потонул в шуме ветра. Никто не отодвинул штору. Никто не включил свет. Дом стоял молчаливым монолитом, отвергая меня.

Меня вдруг накрыло осознанием. Это не истерика. Это не воспитательный момент.

Это конец.

Она действительно меня вычеркнула. Не просто выгнала, а стерла, как грязное пятно со стола.

Я сполз спиной по мокрому металлу ворот и сел на корточки, прямо в грязь. Сил не было. Злости не было. Была только пустота и понимание того, что я — полный идиот. Я променял дворец на шалаш, королеву на истеричку, а будущее — на пять минут дешевого кайфа.

И завтра мне придется проснуться в вонючем доме Любы, надеть грязные штаны и выйти в мир, где я больше никто.

Дождь усилился, стекая за шиворот, но я даже не пошевелился. Я сидел у закрытых ворот своего бывшего рая и слушал, как воет соседская собака. Она выла по мне.

Глава 9

Солнечный луч ударил прямо в глаза, наглый и неуместный, словно прожектор в комнате для допросов. Я резко села на кровати, и сердце тут же зашлось в бешеном ритме, будто я не спала, а бежала марафон.

Первое, что я услышала, — это тишина.

Она была не просто отсутствием звука. Она была плотной, ватной, оглушающей. Пятнадцать лет мое утро начиналось с привычных шумов: сопения Игната, скрипа половиц, когда он шел в ванную, шума воды в душе, запаха кофе, который он иногда — когда ему что-то было нужно — приносил мне в постель.

Теперь дом молчал, как склеп.

Я повернула голову. Подушка рядом со мной все еще хранила вмятину от его головы. На наволочке остался короткий седой волос. От белья пахло его потом и тем дорогим одеколоном, который я подарила ему на Новый год. Этот запах, раньше казавшийся мне ароматом надежности и мужской силы, теперь вызывал тошноту. Запах предательства. Запах чужой женщины, который он приносил в нашу спальню на своей коже.

Меня передернуло от омерзения. Я спала на этом белье. Я обнимала его на этих простынях, пока он мысленно — а может, и не только мысленно — был с моей дочерью.

Я сорвала одеяло, чувствуя, как к горлу подступает желчь. Схватила подушку Игната и швырнула её на пол. Следом полетела простыня. Я сдирала постельное белье с остервенением, ломая ногти, будто пыталась содрать с кровати саму память о его присутствии. Ткань трещала.

— Вон, — прошипела я в пустоту. — Вон отсюда.

Сгребив белье в охапку, я потащила его вниз, не заботясь о том, что оно волочитесь по ступеням. Я запихнула ком в мусорный бак на кухне. Стирать это я не собиралась. Даже на тряпки пускать было противно. Только сжечь или выкинуть.

Левая рука дернула болью. Я посмотрела на повязку — за ночь бинт пропитался сукровицей, но кровь остановилась. Порез от разбитого графина ныл, напоминая о вчерашнем вечере в омшанике. О словах, которые я там услышала. «Старая карга». «Она сама всё отдаст».

Я пошла в ванную комнату на первом этаже — ту, которой пользовался в основном он. На полке перед зеркалом стояла его зубная щетка, бритвенный станок с засохшей пеной, початый флакон геля для душа «Энергия океана».

Это были мелочи. Обычные бытовые мелочи, из которых складывается жизнь. Но сейчас они выглядели как улики на месте преступления.

Я достала из шкафчика под раковиной бутылку с хлоркой. Едкий химический запах ударил в нос, вышибая слезы, которые я так и не позволила себе пролить. Я залила унитаз, раковину, даже плитку на полу. Я терла поверхности жест-

кой губкой, не жалея раненой руки, пока кожа на пальцах не побелела. Мне казалось, что если я вытравлю его микробы, его дух, то станет легче.

Но легче не становилось. Внутри меня разрасталась черная дыра, холодная и пустая. Я не плакала. Слез не было. Была только сухость, будто я сама превратилась в старый, высушенный пергамент.

Закончив с ванной, я поднялась в кабинет.

Это была территория Игната. Я редко сюда заходила — у меня был свой рабочий уголок в гостиной, где я занималась бухгалтерией пасеки, а здесь Игнат вел переговоры, чертил какие-то схемы для строительных объектов, хранил документы. Он всегда запирал дверь, когда уходил, но вчера, в суматохе изгнания, дверь осталась приоткрытой.

Я вошла. Здесь пахло табаком (он курил в окно, хотя я просила этого не делать) и кожей. Массивный дубовый стол, который я купила ему на сорокалетие. Кожаное кресло, в котором он любил развалиться с видом хозяина жизни.

Теперь я смотрела на это кресло и видела не мужа, а паразита, который пятнадцать лет жирел на моих соках.

Я села в его кресло. Оно скрипнуло, словно недовольное новым седоком. Я выдвинула верхний ящик стола. Канцелярия, степлер, какие-то визитки поставщиков. Ничего интересного.

Средний ящик — пуст.

Нижний ящик был заперт.

Я дернула ручку. Металл звякнул. Игнат был педантичен в вопросах своих тайн. Ключа, естественно, не было — он носил его на связке.

Я огляделась. В углу стоял небольшой сейф, замаскированный под тумбу. На нем кодовый замок. Я знала код от сейфа в спальне, где мы хранили общие деньги (2510 — день нашей свадьбы). Но здесь...

Я набрала 2510. Красная лампочка. Ошибка.

Я попробовала его день рождения. Ошибка.

Мой день рождения? Смешно. Ошибка.

Я замерла, глядя на кнопки. Что может быть паролем у человека, который живет двойной жизнью? Что для него действительно важно?

Пальцы сами потянулись к цифрам. 1205. Двенадцатое мая. День рождения Нины.

Зеленый огонек мигнул, и замок щелкнул. Дверца податливо открылась.

Меня обдало жаром. Не от радости, что я угадала. А от ужаса. Он поставил на свой личный сейф дату рождения дочери, которую называл «внучкой» Это был не просто пароль. Это было признание в любви, которое он делал каждый раз, набирая эти цифры.

В сейфе лежали папки. Толстые, картонные папки с завязками.

Я достала первую. Синяя, с надписью «Личное».

Я развязала тесемки. Сверху лежали фотографии. Обычные, распечатанные на фотобумаге 10х15. Я взяла стопку.

Роддом. Люба на больничной койке, уставшая, но счастливая, прижимает к груди сверток. А рядом сидит Игнат. Он держит её за руку и смотрит на неё с такой нежностью, какой я не видела в его глазах уже лет десять.

Следующее фото: Игнат держит младенца. Нина, совсем крошечная. Он улыбается, и в этой улыбке — гордость отца.

Дальше — серия снимков, сделанных, видимо, в той самой городской квартире, где жила Люба. Игнат кормит Нину с ложечки. Игнат купает Нину. Игнат и Люба целуются на фоне новогодней елки.

У меня перехватило дыхание. Это была хроника их семьи. Настоящей семьи. Пока я думала, что он на объектах, на вахтах, в командировках за стройматериалами — он жил там. Он растил ребенка. Он был мужем и отцом. А сюда, ко мне, приезжал как на работу. Отрабатывать свой статус, получать деньги, изображать любовь.

Под фотографиями лежала медицинская карта Нины. Копия. Я открыла её на первой странице.

«ФИО отца: Зотов Игнат Борисович».

Они даже не скрывали этого в документах. Видимо, карта

была из частной клиники, где никто не задавал вопросов. Наследственность: отягощена по линии отца (гипертония). У Игната была гипертония. Он вписал свои болячки в карту дочери.

Я отшвырнула папку. Мне казалось, что я копаюсь в грязном белье, кишасщем опарышами.

Вторая папка была толще. Красная. Без надписи.

Здесь были финансы.

Я начала читать и почувствовала, как волосы шевелятся на голове. Это была не просто измена. Это была профессиональная, хладнокровная подготовка к рейдерскому захвату.

Уставные документы ООО «Северный Мед». Учредитель — Зотов И.Б. Дата регистрации — три года назад.

Договоры поставок. Я видела знакомые названия наших оптовиков. Но реквизиты получателя были не «Золотой со-ты», а «Северного Меда».

— Сволочь, — выдохнула я.

Он перенаправлял потоки. Он договаривался с клиентами, давал им скидку за нал или за перевод на "дочернюю" фирму, а мне приносил липовые отчеты о падении спроса, о кризисе, о том, что мед плохо берут.

«Поля, рынок просел, год тяжелый», — говорил он, глядя мне в глаза честным взглядом. А сам в это время выводил миллионы на свои счета.

Я нашла черновики договоров. Договор мены земельных участков. Договор дарения доли. Везде фигурировала моя подпись. Поддельная? Нет, похожа на настоящую. Я вспомнила, как часто он подсовывал мне пачки бумаг: «Тут текучка, акты, накладные, подпиши, я сам заполню». И я подписывала пустые листы. Или листы, где был виден только нижний край.

Я сама отдала ему оружие, которым он меня убил.

На самом дне папки лежала коробка из-под обуви, набитая чеками. Игнат был патологически жадным и педантичным, он хранил гарантии на всё. Даже на подарки.

Я высыпала чеки на стол. Это была бухгалтерия его любви.

8 марта 2021 года.

Чек из магазина бытовой техники: «Мультиварка Bosch» — подарок мне. Цена: 12 000 рублей.

Чек из ювелирного «Алмаз»: «Браслет золотой, плетение Бисмарк» — подарок Любе. Цена: 85 000 рублей.

День рождения Нины, май того же года.

Подарок от бабушки (меня): кукла и набор одежды. Я дала Игнату 5000 рублей, чтобы он купил.

Чек в коробке: «Электромобиль детский Mercedes». Цена:

45 000 рублей. Оплачено картой Игната.

Я брала эти бумажки, и они жгли пальцы сильнее, чем вчерашняя настойка.

Январь 2023. Я лежала с тяжелым бронхитом, две недели не вставала с постели. Игнат сказал, что ему нужно срочно ехать в район за лекарствами и запчастями для котла, который барахлил.

Чек из парк-отеля «Лесная Сказка». Люкс с джакузи. Двое суток. Шампанское, устрицы, массаж. Сумма — половина моей месячной выручки в зимний сезон.

Он не просто воровал. Он глумился. Он тратил мои деньги на то, чтобы трахать мою дочь в джакузи, пока я задыхалась от кашля в холодном доме.

Я сгребла чеки в кучу. Ярость, которая бушевала во мне вчера, сменилась ледяным, мертвым спокойствием. Это было чувство хирурга, который вскрыл брюшную полость и увидел неоперабельную опухоль. Здесь нечего лечить. Здесь нужно вырезать всё.

Я сложила документы обратно в сейф, кроме папки с финансами. Её я забрала. Это будет нужно юристу.

Я вышла из кабинета, чувствуя себя так, будто постарела на десять лет за этот час. Дом давил. Стены, которые помнили его голос, казались враждебными. Мне нужен был воздух.

Я вышла на террасу.

Утро было ослепительным. После ночной грозы воздух

был прозрачным, звенящим. Сад умылся, зелень сияла изумрудом. Пчелы уже вовсю работали — гул стоял ровный, деловитый. Жизнь продолжалась, несмотря на то, что моя жизнь рухнула.

Я спустилась по ступенькам и пошла к ульям. Мне нужно было почувствовать что-то настоящее. Живое.

Я подошла к крайнему улью. Пчелы сновали у летка, таща обножку — ярко-желтую, оранжевую. Липа цветет. Взток идет. Нужно проверить магазины (верхние корпуса), возможно, пора ставить дополнительные рамки, иначе зальют всё нектаром и матке негде будет сеять.

Привычка взяла верх. Я подошла к улью, сняла крышку. Подкрышник. Холстик. Открыла вид на рамки. Они были полны. Белоснежная печатка воска говорила о том, что мед созрел.

Нужно снять полный корпус и поставить пустой.

Я взялась руками за ручки корпуса. Он весил килограммов двадцать пять, не меньше. Раньше я делала это легко, а если было тяжело — звала Игната. Он подхватывал корпус шутя, играя бицепсами.

— Ну, давай, Полина, — скомандовала я себе.

Я напряглась, поднимая ящик.

Резкая боль пронзила левую ладонь. Рана, стянутая бинтом, лопнула от напряжения. Пальцы рефлекторно разжались.

Тяжелый корпус выскользнул из рук. Угол ударил меня по

бедру, и ящик с грохотом рухнул на землю.

Рамки вылетели. Соты смялись. Золотистый мед брызнул в траву, смешиваясь с землей и давя пчел. Растревоженная семья тут же взвилась в воздух. Сердитое, высокое жужжание сменило мирный гул. Пчелы атаковали.

Я отшатнулась, прижимая к груди больную руку. Одна пчела запуталась в волосах, другая ударила в плечо, оставив жгучее жало.

Я отступила на веранду, закрывая лицо рукой.

Слезы, которых не было утром, вдруг брызнули из глаз. Я села на ступеньки и разрыдалась.

Я плакала не из-за Игната. Не из-за Любы. Я плакала из-за опрокинутого улья. Из-за раздавленных пчел. Из-за того, что я переоценила свои силы.

Я — Медовая королева? Нет. Я просто одинокая баба с порезанной рукой, которая не может поднять медовый корпус. Без мужика пасека умрет. Я не справлюсь. Физически не справлюсь. Двести ульев. Откачка. Перевозка. Ремонт.

Игнат знал это. Именно поэтому он был так уверен, что я «сама всё отдам». Он знал, что я сломаюсь на бытовухе, на тяжелом труде. Он ждал, когда я приползу к нему с просьбой о помощи.

— Ненавижу, — выдохнула я, размазывая слезы по щекам. — Ненавижу тебя.

В кармане кардигана, который я накинула поверх домашнего платья, завибрировал телефон.

Я достала трубку. Экран высветил имя: «Аркадий Львович. Нотариус».

Я вытерла нос рукавом и нажала «ответить».

— Да, Аркадий Львович. Доброе утро.

— Полина Сергеевна, здравствуйте, — голос старого нотариуса звучал встревоженно. — Простите, что беспокою в воскресенье, но дело безотлагательное. Я тут разбирал утреннюю почту... Вижу электронный запрос на регистрацию сделки по вашему кадастровому номеру. Участок у леса, тот, что под расширение планировался.

— Какой запрос? — я напряглась.

— Договор купли-продажи. Продавец — вы, покупатель — некое ООО «СтройИнвест». Подписано вашей электронной подписью. Я приостановил регистрацию, потому что там доверенность на Игната Борисовича показалась мне... скажем так, отозванной вами в прошлом месяце устно. Вы подтверждаете сделку?

Земля качнулась. Он не просто планировал. Он запустил процесс. Он украл мою электронную подпись (флешку, которая лежала в том самом сейфе!). И прямо сейчас, пока он сидит у Любы, его механизм продолжает работать, откусывая от меня куски.

— Нет, — сказала я, и мой голос стал твердым, как тот бетон, которым я заколотила калитку. — Я не подтверждаю. Блокируйте всё, Аркадий Львович. Отзывайте все доверенности. Я приеду к вам завтра к открытию.

— Понял. Делаю приостановку по подозрению в мошенничестве. Полина Сергеевна... у вас всё в порядке? Голос у вас... боевой.

— У меня война, Аркадий Львович, — ответила я, глядя на перевернутый улей, над которым кружились разъяренные пчелы. — И я собираюсь победить.

Я сбросила вызов.

Слезы высохли. Жалость к себе испарилась.

Я встала. Боль в руке никуда не делась, но теперь это была просто информация. Сигнал.

Я пошла в сарай, нашла там плотные кожаные перчатки, которые надевал Игнат. Натянула их, поморщившись от боли. Надела защитную сетку.

Я вернулась к улью. Медленно, стиснув зубы, я подняла корпус. Он был тяжелым, неподъемным, но я подняла его. Поставила на место. Собрала рамки.

— Ничего, девочки, — прошептала я, закрывая крышку. — Мы справимся. Мы их всех ужалим.

Я посмотрела на забор, за которым стоял дом Любы. Теперь я знала, что у меня есть документы. У меня есть доказательства. И у меня есть ярость, которой хватит, чтобы сжечь их «Северный Мед» дотла.

Игнат думал, что я слабая. Он забыл, что матка в улье — единственная, кто имеет жало без зазубрин. Она может жалить много раз. И она не умирает после удара.

Глава 10

Бинт на левой ладони намок и потемнел, прилипнув к лопнувшей ране. Я разматывала его медленно, сантиметр за сантиметром, стиснув зубы. Перекись шипела, выталкивая сукровицу, а я смотрела на рваные края кожи и думала о том, что эта боль — самая честная вещь в моем доме на данный момент. Пчелы не умеют лгать. Если ты дашь слабинку, если твои руки дрогнут — они ужалят. И это справедливо.

Входная дверь содрогнулась от резкого, требовательно-го звонка. Три коротких, один длинный. Этот ритм я знала слишком хорошо. Так звонила Люба, когда у неё заканчивались деньги, когда ломался кран или когда ей просто хотелось выплеснуть на меня очередную порцию своего недовольства жизнью. Раньше я бросала всё и бежала открывать, гадая, что случилось у моей «девочки».

Сегодня я даже не вздрогнула.

Я аккуратно наложила чистую салфетку, закрепила её пластырем и только потом поднялась. Прошла через гостиную, мельком взглянув на заколоченную калитку в окне. Доски, прибитые крест-накрест, смотрелись грубо, уродливо, но они дарили мне странное чувство безопасности.

На кухонном столе, прямо под лампой, лежала та самая красная папка из сейфа Игната. Чеки, выписки, счета ООО «Северный мед». Мой приговор и моё оружие.

Звонок повторился, переходя в непрерывный визг.

Я открыла дверь.

Люба буквально ввалилась в прихожую. От неё пахло вчерашним вином, дешевыми сигаретами и тем самым приторным парфюмом, который теперь ассоциировался у меня с омшаником. Алое платье, в котором она вчера блистала на моем празднике, было измято, на подоле — бурые пятна грязи. Лицо опухло, тушь забилась в мелкие морщинки у глаз, о существовании которых моя тридцатилетняя дочь, видимо, еще не догадывалась.

— Ты с ума сошла?! — закричала она вместо приветствия, едва не ткнув мне пальцем в лицо. — Ты что там нагородила? Ты зачем калитку заколотила, как в каком-то гетто? Игнату пришлось обходить через всю улицу, чтобы забрать вещи, которые ты в грязь выкинула! Ты хоть понимаешь, сколько стоит его пальто?

Я молча отступила в глубину прихожей, пропуская этот поток ультразвука мимо ушей.

— Ключи давай, — Люба прошла на кухню, по-хозяйски отодвинув стул. — Ключи от его джипа. И документы. Он не может пешком ходить, у него спина болит. И денег дай. У нас в холодильнике шаром покати, Нине даже йогурта купить не на что. Ты нас вышвырнула на мороз, мама! В собственный юбилей! Ты хоть понимаешь, как это выглядит со стороны?

Я зашла вслед за ней и остановилась у стола, опираясь на него здоровой рукой.

— «На мороз»? — я приподняла бровь. — Июль на дворе, Люба. И дом, в котором вы сейчас находитесь, куплен на мои деньги. Обставлен на мои деньги. И сосиски, которые Игнат там сейчас доедает, куплены тоже мной.

— Ой, началось! — Люба закатила глаза и потянулась к вазе с фруктами, но, наткнувшись на мой взгляд, отдернула руку. — Вечные попреки! Да, ты давала деньги. Да, ты помогала. Но ты делала это, чтобы властвовать над нами! Чтобы мы по каждому свистку бежали к тебе! Ты всю жизнь была танком, мама. Тяжелым, бронированным танком, который давит всё на своем пути.

Она встала и начала мерить кухню шагами. Её каблук чеканили дробь по плитке.

— Ты его никогда не любила, — бросила она мне, обернувшись. В глазах Любы сверкнула такая неприкрытая, древняя ненависть, что у меня на мгновение перехватило дыхание. — Ты им владела. Игнат для тебя был просто еще одним удачным приобретением, вроде новой медогонки или элитной матки из Австрии. Ты его дрессировала, ты его под себя подминала. А ему нужна была нежность! Ему нужно было, чтобы в нем видели мужчину, а не прораба на твоей стройке!

Я слушала её, и внутри меня что-то окончательно каменило. Это было даже интересно — наблюдать, как она выстраивает свою кривую логику, чтобы оправдать то, что оправданию не подлежит.

— Нежность, значит? — тихо спросила я. — И ты, конеч-

но, эту нежность ему обеспечила? Пока я пахала на пасеке, чтобы оплатить твои счета в городе, вы здесь «нежничали»?

— Да! — Люба ударила ладонью по столу. — Да, обеспечила! Пять лет он живет только ради тех часов, когда мы вместе. Он с тобой спать не мог, мама! Тебе пятьдесят пять, ты понимаешь? Ты — прошлое! А я — его настоящее. Мы любим друг друга. Настоящей любовью, а не той эрзац-версией, которую ты себе придумала.

Я медленно пододвинула к ней красную папку.

— Любовь — это прекрасно, Люба. А как в твою теорию «нежности» вписывается ООО «Северный мед»?

Люба замерла. Её взгляд упал на документы. Она узнала их — я видела это по тому, как дернулись её ноздри.

— Игнат — умный мужчина, — голос дочери стал тише, в нем прорезались змеиные нотки. — Он понимал, что если с тобой что-то случится, ты всё завещаешь какому-нибудь фонду защиты пчел, а нас оставишь нищими. Он просто забирал свое. То, что он заработал за эти пятнадцать лет, пока ты почивала на лаврах «королевы». Это его доля, мама. Справедливая доля.

— Справедливая доля? — я почувствовала, как к лицу приливает жар, но не от стыда, а от закипающей ярости. — Красть контракты у матери — это справедливо? Подделывать мою подпись на документах о продаже земли — это справедливо? Тратить мои деньги на джакузи в отелях, пока я болею, — это тоже часть вашей «нежности»?

Я раскрыла папку на странице с чеками.

— Вот здесь, Люба. Оплата браслета, который ты носишь. Оплата твоего нового телефона. Оплата отдыха в «Лесной сказке». Всё это куплено на деньги, которые Игнат выводил из «Золотой соты». Ты знала об этом?

— Знала, — она вскинула подбородок. — И что? Мы семья. У нас общий ребенок. Нине нужно нормальное будущее, а не твои вонючие улы. Мы планировали уехать. Если бы ты не влезла в омшаник вчера...

— Я «влезла» в собственный омшаник, — поправила я её. — И я прервала ваш воровской междусобойчик. Кстати, передай Игнату, что Аркадий Львович заблокировал сделку по участку у леса. Ваша схема с продажей земли самой себе через «СтройИнвест» накрылась.

Люба побледнела так, что стали видны все пятна на её коже. Она поняла, что кормушка захлопнулась. Что «Медовая королева» не просто узнала об измене — она перекрыла кислород.

— Ты... ты чудовище, — прошептала Люба. — Ты хочешь, чтобы мы сгнили в нищете? Чтобы Нине нечего было есть? Ты же её бабушка!

Я встала. Я оказалась выше неё на полголовы, и сейчас, в своем старом кардигане, я чувствовала себя сильнее, чем когда-либо в жизни.

— Нет, Люба. Бабушка — это та, кто печет пироги и балует внуков. А я для тебя — «старая карга» и «танк». Вы

сами выбрали эти роли.

Я прошла к дверям прихожей и распахнула их настежь. Прохладный воздух ворвался в дом, выдувая запах её духов.

— Ключей не будет. Машина оформлена на пасеку, а значит — на меня. Игнат может забрать свой старый велосипед, на котором приехал ко мне пятнадцать лет назад. Денег тоже не будет. И помощи не будет.

Люба стояла посреди кухни, её трясло от бессильной злобы.

— Ты пожалеешь, — прошипела она, направляясь к выходу. — Ты здесь сдохнешь одна. Тебя даже пчелы твои сожрут, когда ты упадешь и не сможешь встать. Ты думаешь, ты победила? Игнат всё равно будет со мной. Он тебя ненавидит!

Я смотрела на неё — на женщину, которую я тридцать лет считала своей дочерью. Которую я защищала от всех бед, которой прощала все капризы. И я видела пустоту. В ней не было ничего моего. Ни капли моей породы.

— Для меня ты умерла вместе с ним вчера в омшанике, Люба, — сказала я, и мой голос не дрогнул. — Я кормила тебя тридцать лет. Я вырастила змею, которая спала в моей постели и воровала мой мед. Игнату я могу простить чужую женщину. Но тебе я не могу простить его. Уходи.

Люба остановилась на пороге. Она обернулась, и её лицо исказилось в такой гримасе, что я невольно отшатнулась. Это было лицо не дочери, а врага, который знает, куда нанести

последний удар.

— Ты думаешь, ты самая умная? — выплюнула она. — Ты думаешь, заколотила калитку — и всё? Нина вырастет. И я сделаю всё, чтобы она знала: её бабушка — сумасшедшая ведьма, которая выгнала её отца и мать на улицу. Она будет ненавидеть тебя так же, как я. Она забудет твой запах, твой дом, твою пасеку. Ты останешься одна, Полина. Совсем одна. И когда ты будешь подыхать в своей пустой спальне, ты будешь звать нас, но никто не придет.

— Пошла вон, — повторила я.

— Ты еще приползешь! — закричала она, уже сбегая по ступеням веранды. — Ты приползешь к нам на коленях, когда поймешь, что внучка тебя забыла! Мы — твоя единственная кровь!

Она рванула калитку (ту, что с улицы) и выскочила вон. Грохот закрывшейся двери еще долго вибрировал в прихожей.

Я медленно закрыла дверь на засов. Повернула ключ.

В доме снова воцарилась тишина. Но теперь она не была ватной. Она была тяжелой, как свинец.

Я вернулась на кухню, села за стол и посмотрела на свои руки. Они были в пятнах от перекиси и йода. Рана на левой ладони снова запульсировала, сквозь чистый бинт проступило маленькое алое пятнышко.

Я не плакала. Слез больше не было. Всё, что могло сгореть, уже сгорело. Остался только пепел и холодное, расчет-

ливое понимание: война за Нину будет долгой и грязной. Люба не отступит, потому что Нина — её последний рычаг влияния на мои деньги.

Я взяла телефон и нашла в списке контактов номер юриста.

— Алло, Михаил Юрьевич? Доброе утро. Простите, что в воскресенье. Мне нужно подготовить документы на развод. И... — я на мгновение замолчала, глядя на папку «Северного меда». — И заявление в полицию о мошенничестве и подделке документов. Нам нужно действовать быстро.

Я положила трубку.

Окно на веранду было открыто. С пасеки доносилось ровное, густое гудение. Пчелы работали. Липа отдавала нектар. Жизнь, настоящая жизнь, не знала жалости и не ведала предательства. Она просто продолжалась.

Я поднялась и пошла переодеваться. У меня было много дел. Нужно было проверить счета, связаться с поставщиками и... найти охрану. Теперь я знала: мой забор должен стать выше. Намного выше.

Глава 11

Понедельник не принес облегчения, он просто сменил декорации с личного ада на общественный. Утро выдалось сухим и звонким, как перетянутая струна. Я стояла перед зеркалом в полный рост, рассматривая свое отражение с той же тщательностью, с какой проверяю рамки на наличие клеща.

Сегодня мне нельзя было выглядеть жертвой. Жалость в «Светлых Ключах» — это яд, поднесенный в шербатой кружке. Стоит один раз принять его, и ты до конца дней останешься «бедной Полечкой», той самой, под носом у которой муж кувыркался с дочерью.

Я выбрала темно-синий шелковый костюм — строгий, дорогой, купленный для деловых поездок в город. Волосы уложила в тугую, безупречный узел. На левую ладонь, которая все еще пульсировала тупой болью, наложила свежий, тонкий бинт, а сверху надела легкую бежевую перчатку — якобы для стиля, а на самом деле, чтобы скрыть печать вчерашней слабости.

— Ты — Зотова. Ты — хозяйка «Золотой соты», — произнесла я в пустоту спальни. Голос не дрогнул, и это была первая маленькая победа.

Дом встретил меня гулкой пустотой, но я не дала себе времени в нее вслушаться. Взяла плетеную сумку, ключи и вышла за порог. Пчелы уже всю работу, их деловитый гул

наполнял сад, напоминая о том, что природе плевать на мои драмы. Липа продолжает отдавать нектар, солнце продолжает греть, а значит, и я должна продолжать.

Стоило мне выйти за ворота, как я кожей почувствовала перемену в атмосфере. Улица, обычно полная ленивого утреннего движения, вдруг замерла.

Баба Нюра, вечно дежурившая у своего палисадника, внезапно увлеклась разглядыванием сорняков, повернувшись ко мне спиной. Соседский пес, обычно лаявший на каждого прохожего, забился в конуру. Село знало. Рой гудел, передавая новость от дома к дому с быстротой электрического разряда.

Я шла по пыльной обочине, чеканя шаг. Каблуки туфель, совершенно не подходящие для сельских дорог, впивались в гравий, но я не замедляла ход. Впереди показался «Лапоть» — наш единственный продуктовый магазин, совмещенный с почтой, — эпицентр всех деревенских сплетен.

У крыльца стояли велосипеды. Две женщины — кажется, бухгалтер из сельсовета и жена агронома — о чем-то жарко шептались, склонив головы друг к другу. Увидев меня, они замолчали так резко, что тишина стала почти физически ощутимой. Одна из них кашлянула, другая начала интенсивно изучать объявление о закупке скота.

Я поднялась по ступеням. Каждая ступенька — как восхождение на эшафот, только сегодня я была не казненной, а судьей.

— Доброе утро, Марина, — сказала я, входя в прохладу магазина, пропахшего свежим хлебом и копченой колбасой.

Продавщица Марина, женщина внушительных размеров с глазами, которые видели всё, замерла с палкой колбасы в руках. В её взгляде я прочитала гремучую смесь: любопытство, страх и ту самую приторную, липкую жалость, от которой хотелось умыться.

— Ой, Полина Сергеевна... Здравствуйте, — пролепетала она, пристраивая колбасу на весы. — Вы сегодня... рано.

— Работа не ждет, — я подошла к прилавку. — Мне, как обычно: два черного, пачку соли и коробку спичек.

Марина собирала заказ медленно, словно давая мне время сорваться или начать оправдываться. Она то и дело бросала взгляды на мою перчатку, на мою прямую спину. Ей хотелось деталей. Ей хотелось знать, как именно я вышвыривала Игната и правда ли, что Любка кричала на всю улицу.

— Слышали мы... про грозу-то вчерашнюю, — осторожно начала Марина, придвигая ко мне хлеб. — Говорят, сильно у вас там... забор-то качало.

Я посмотрела ей прямо в глаза. Спокойно. Холодно. Так, как смотрю на трутня, мешающего в улье.

— Гроза была сильная, Марина. Но мусор из дома выметает не дождь, а хозяйка. Сколько с меня?

Она быстро назвала сумму, засутилась с чеком. Я расплатилась и вышла. На крыльце женщины-сплетницы уже успе-

ли перегруппироваться, но стоило мне показаться, как они синхронно отвернулись.

Я шла обратно, и с каждым метром внутри меня росло тяжелое, свинцовое осознание. Это не просто сплетни. Это клеймо. Для них я больше не успешная бизнес-леди, не Медовая королева. Я — «та самая Зотова, у которой дочь мужа увела». Этот ярлык будет висеть на мне до конца дней, если я позволю ему приклеиться.

Они не винят Игната — в деревне мужик, гульнувший с молодой, часто вызывает лишь понимающие смешки. Они не винят Любу — «молодая, глупая, бес попутал». Они будут судить меня. За то, что не усмотрела. За то, что допустила. За то, что была слишком сильной, слишком богатой, слишком... «не такой».

На повороте к моему дому, у старого раскидистого дуба, я увидела Алешу. Он сидел на корточках, ковыряя прутиком землю, но при моем приближении вскочил, сминая в руках кепку. Его лицо было бледным, под глазами залегли тени.

— Полина Сергеевна! — окликнул он меня, и голос его сорвался.

Я остановилась. Алеша всегда был тихим парнем, влюбленным в Любу с того самого момента, как она вернулась из города. Он помогал мне на пасеке, чинил заборы, и я всегда видела в нем доброго, но слабохарактерного парня.

— Что, Алеша? Если ты по поводу работы, то сегодня выходной.

— Да нет, я... я по поводу вчерашнего, — он подошел ближе, не смея поднять глаз. — Вы, Полина Сергеевна, не думайте... вы не одна такая. Все же видели.

Мое сердце пропустило удар.

— Что видели, Алеша? Говори прямо.

Он сглотнул, желваки на его лице заходили ходуном.

— Да всё. Еще прошлым летом... на старой вырубке, за Гнилым ручьем. Я там малину собирал, а они... машина Игната там стояла. И они в ней. И в лесу их видели, у Дальнего озера. Почти каждую неделю, как вы в город уезжали или на выставку.

Мир вокруг меня на мгновение потерял краски. Я смотрела на Алешу и видела, как его губы шевелятся, выдавая одно признание за другим.

— Почему ты молчал? — мой голос был тихим, похожим на шелест сухой листвы.

— А как сказать? — он наконец поднял на меня глаза, полные бессильной муки. — Кто я такой? Вы же на него дышать боялись, светились вся, когда он рядом. Игнат Борисович то, Игнат Борисович сё... Я думал, может, вы сами знаете и прощаете. Или... или что я лезу не в свое дело. Село-то всё знало, Полина Сергеевна. Только вам не говорили. Жалко было.

Слово «жалко» ударило меня под дых сильнее, чем но-

вость об измене. Значит, я была посмешищем. Год. Минимум год я ходила по этим улицам с гордо поднятой головой, строила планы, расширяла пасеку, покупала Игнату дорогие подарки, а за моей спиной всё село шепталось. Они видели, как мой муж едет в лес с моей дочерью, и кивали мне при встрече, пряча ухмылки за ладонями.

Клеймо дуры. Вот что я сегодня получила вместо хлеба в магазине.

— Спасибо, Алеша, — сказала я, чувствуя, как внутри всё выгорает, оставляя лишь холодную, мертвую пустоту. — Свободен.

Я пошла к дому, не чувствуя под собой ног. Сумка с хлебом казалась неподъемной. Каждый взгляд из-за зашторенных окон теперь ощущался как укус насекомого.

Я дошла до своих ворот и остановилась. Справа был мой дом — моя крепость, которая оказалась проходным двором. Слева — дом Любы, где сейчас, за закрытыми шторами, они наверняка обсуждали, как жить дальше.

Они думают, что я уеду. Что я не выдержу этого позора, этих шепотков, этого клейма. Что я продам пасеку и сбегу в город, оставив им всё, что нажила.

Нет. Если я уеду, я признаю свое поражение. Я признаю, что они сильнее.

Я посмотрела на невысокую изгородь, разделявшую наши участки. Через нее всё было видно. Сквозь неё сочилась грязь.

Я вошла в дом, бросила сумку на стол и схватила телефон. Мои пальцы действовали уверенно, гнев трансформировался в четкий план действий.

— Алло, бетонный завод? — мой голос звенел, как металл. — Это Зотова из «Светлых Ключей». Полина Сергеевна. Мне нужен бетон. Марка М300. На завтра, на восемь утра. Пять миксеров для начала.

Я слушала быстрые ответы диспетчера, и внутри меня рождалась новая, страшная сила.

— Да, арматура тоже нужна. И бригада. Я хочу забор. Глухой. Высотой три метра. По всему периметру границы с участком Даниловой. Да, прямо завтра. Двойной тариф за срочность? Согласна. Жду.

Я положила трубку и вышла на веранду. Солнце стояло уже высоко, пчелы продолжали свою бесконечную работу. Я посмотрела в сторону соседского дома.

Они хотят, чтобы я их видела? Чтобы я мучилась от их близости? Хотят пользоваться моим воздухом и моей землей?

Больше нет.

Завтра здесь вырастет стена. Серая, холодная, непроницаемая стена. Я заживо замурую их в их собственном предательстве. Я лишу их своего лица, своего голоса, своей жизни. Они будут сидеть в своей «нежности» за бетонным мешком, а я... я заставлю это село смотреть не на мой позор, а на мой триумф.

Я — Полина Зотова. И это мой улей. И я решу, кто в нем будет жить, а кто — вылетит навсегда.

Я зашла в дом и плотно закрыла дверь. Начиналась большая стройка. Стройка моей новой, одинокой, но неприступной жизни.

Глава 12

Запах свежих чернил и дешевого канцелярского клея, казалось, пропитал салон моего внедорожника насквозь. На пассажирском сиденье лежала пухлая папка с копиями заявлений, которые я только что оставила у Аркадия Львовича. Нотариус смотрел на меня сегодня так, словно я внезапно отрастила вторую голову — с жалостью, смешанной с глубоким профессиональным недоумением. В «Светлых Ключах» не было принято подавать на развод в пятьдесят пять. Здесь было принято терпеть, вздыхать на скамейках и нести свой крест до самого погоста, лишь бы «люди не болтали».

Но люди и так болтали. А мой крест оказался гнилым бревном, кишасим термитами.

Я выехала из райцентра, когда небо на горизонте начало стремительно наливаться свинцом. Июльский зной сменился душным, липким предчувствием бури. Воздух в кабине стал тяжелым, кондиционер не справлялся, и я опустила стекло, выпуская в салон запах близкого дождя и придорожной пыли.

Внутри меня царила странная, пугающая пустота. Словно я была хирургом, который только что ампутировал себе конечность и теперь с интересом наблюдал, как действует наркоз. Я запустила механизм уничтожения своего прошлого. Игнат еще не знал, что его «Северный мед» наткнулся на риф, а доверенность, которой он так гордился, превратилась

в бесполезный клочок бумаги.

Дорога к нашему селу вилась через густой сосновый бор. Здесь всегда было прохладнее, но сегодня лес казался враждебным. Деревья смыкались над трассой, превращая её в темный тоннель.

Внезапно приборная панель моргнула. Один раз, второй. Красный значок «Check Engine» вспыхнул ядовитым глазом. Машина дернулась, словно споткнулась на ровном месте.

— Ну нет, только не сейчас, — прошептала я, крепче сжимая руль.

Джип ответил мне глухим рокотом и потерей оборотов. Педаль газа стала ватной. Я пыталась «раскачать» мотор, молясь, чтобы дотянуть хотя бы до открытого участка дороги, но техника была неумолима. Машина чихнула последний раз и заглохла в самой низине, где лес подступал к обочине вплотную.

Я еще пару раз провернула ключ в замке зажигания. Стартер крутил бодро, но двигатель не подхватывал. Тишина, воцарившаяся в салоне, была оглушительной. А через секунду небо просто рухнуло вниз.

Ливень обрушился мгновенно, превращая лобовое стекло в сплошной бурлящий водопад. Гром грохнул так близко, что заложило уши. Я сидела в кабине, глядя, как потоки воды смывают пыль с капота, и чувствовала, как внутри закипает бессильная ярость.

Игнат. Это всегда была его зона ответственности. «Поля,

не забивай голову, я сам загоню в сервис, я сам проверю масло». Пятнадцать лет я не знала, где находится бачок омывателя. Он сделал меня бытовым инвалидом специально, чтобы я зависела от него в каждой мелочи. И теперь, когда я вышвырнула его из дома, моя машина — верный пес своего хозяина — решила объявить забастовку.

Я посмотрела на свои руки. Левая ладонь, перебинтованная после вчерашней битвы с ульем, тупо ныла. Боль была пульсирующей, в такт сердцебиению.

— Ну и сиди здесь, Полина, — сказала я себе вслух. — Королева на сломанной карете.

Терпения хватило на пять минут. Ждать помощи на этой лесной дороге можно было часами, а мне нужно было вернуться домой до приезда бригады бетонщиков. Я накинула на голову легкий капюшон ветровки и, глубоко вдохнув, толкнула дверь.

Удар воды был таким сильным, что я едва не отшатнулась обратно. Дождь был ледяным, он мгновенно прошил ткань куртки, пробираясь под кожу. Я дошла до капота, поскальзываясь в вязкой грязи обочины. Нашупала рычаг, дернула... и тут же вскрикнула.

Раненая рука отзывалась такой острой вспышкой боли, что в глазах потемнело. Капот джипа, тяжелый и холодный, поддался лишь на пару сантиметров. Я попыталась упереться здоровым плечом, но ноги поехали в кювет. Я едва удержалась, вцепившись пальцами в мокрый металл.

Слезы брызнули из глаз сами собой. Они были горячими, злыми, они смешивались с дождевой водой, заливавшей лицо. Я стояла, прижавшись лбом к холодному железу, и ненавидела всё: этот лес, эту машину, этот развод и свою собственную беспомощность. Я чувствовала себя старой. Действительно старой, измотанной и никчемной.

«Старая карга», — прозвучало в голове эхо голоса Игната.

Сквозь шум ливня и грохот собственного сердца я услышала низкий, утробный рокот. Сначала я подумала, что это очередной раскат грома, но звук был слишком мерным, механическим. Из-за поворота вынырнули два ослепительно белых глаза мощных светодиодных фар.

Огромный черный пикап, похожий на броневик для перевозки особо опасных грузов, медленно затормозил в нескольких метрах от моего джипа. Он не просто остановился — он словно придавил дорогу своим весом.

Дверь пикапа открылась. Из высокой кабины спрыгнул мужчина. Он не бежал, не суетился под дождем. На нем была плотная штормовка цвета хаки с накинутым капюшоном. Он подошел к моей машине уверенным, тяжелым шагом человека, который привык ходить по этой земле в любую погоду.

Я выпрямилась, стараясь смахнуть воду с лица и придать себе хоть сколько-нибудь достойный вид.

Он остановился рядом. Из-под капюшона на меня смотрели глаза цвета холодного сланца. Это не был юноша. Мужчина за пятьдесят, с жесткими чертами лица и глубокими мор-

щинами-лучиками у глаз. Он не улыбался. Он не спрашивал: «Вам помочь, красавица?» Его взгляд был прямым, почти бесцеремонным. Он смотрел на мою раненую руку, на размазанную тушь, на промокшую до нитки куртку.

— Отойдите, — не попросил, а приказал он. Голос был низким, рокочущим, как затихающий гром.

— Я сама... — начала я, но он просто проигнорировал мои слова.

Мужчина подошел вплотную, обдав меня запахом мокрой шерсти и хорошего табака. Он легко, одной рукой, подбросил тяжелый капот моего джипа и закрепил его упором. Я почувствовала себя нелепой и маленькой, стоя рядом с этим великаном.

— Садитесь в салон, — бросил он через плечо, уже погружаясь в недра двигателя. — Замок зажигания зальете.

— Я не сахарная, не растаю, — огрызнулась я, хотя зубы уже начали выбивать дробь от холода. — Что там?

Он на мгновение вынырнул из-под капота, смахнул воду со лба и посмотрел на меня так, будто я была неразумным ребенком.

— Там электроника, которая не любит, когда на неё ведрами льют воду. И клемма отошла. На кочках прыгали?

Я промолчала. Прыгала. Я гнала из города так, будто за мной гнались все черти ада.

Мужчина снова скрылся под капотом. Я видела его ши-

рокие плечи, уверенные движения рук. Он работал быстро, без суеты. Через минуту он выпрямился, вытирая руки о какую-то темную ветошь.

— Пробуйте.

Я забралась на водительское сиденье. Повернула ключ. Двигатель отозвался мгновенно — ровным, мощным рыком. Облегчение было таким сильным, что я на секунду прикрыла глаза, привалившись лбом к рулю.

Мужчина захлопнул капот. Звук был тяжелым, окончательным. Он подошел к моему окну. Дождь начал стихать, переходя в нудную морось.

— Спасибо, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Сколько я вам должна? У меня есть наличные...

Он посмотрел на меня со странным выражением лица. Не то насмешка, не то сочувствие.

— Оставьте себе на лекарства от простуды. И за мотором следите. Игнат, видимо, давно туда не заглядывал.

Я замерла. Сердце пропустило удар.

— Откуда вы знаете... имя моего мужа?

Он не ответил. Вместо этого он вытащил из кармана штормовки блокнот, на котором лежала какая-то накладная. Я успела разглядеть крупный шрифт в шапке документа: «Клементьев М. А. Индивидуальное предпринимательство».

— Мы соседи, Полина Сергеевна, — произнес он, и в его голосе прорезалась едва заметная ирония. — Я купил участок на окраине, у леса. Тот самый, за который ваш супруг пытался со мной торговаться. Неудачно, как видите.

Так вот кто этот «городской наглец», о котором Игнат ныл весь прошлый месяц. Тот, кто перебил цену и не дал ему расширить «зону влияния». Максим Клементьев.

— Понятно, — я судорожно сжала руль, пытаюсь вернуть себе маску Медовой королевы. — Что ж, сосед, спасибо за помощь. Теперь я справлюсь сама.

Я потянулась к кнопке стеклоподъемника, но он вдруг положил ладонь на край стекла. Его пальцы были длинными, сильными, с четкими узловатыми суставами. Его взгляд упал на мою левую руку.

В спешке, когда я пыталась открыть капот, я сняла перчатку, и теперь моя ладонь была обнажена. Бинт размок и сполз, открывая не только рану, но и то, что я так старательно прятала от всего мира.

На моем безымянном пальце, в свете тусклого салонного фонаря, был отчетливо виден бледный, почти белый след. Кожа там была тоньше, она не знала солнца пятнадцать лет. Это было клеймо. След от кольца Игната, которое я сорвала вчера с такой ненавистью, что на коже осталась ссадина.

Максим Клементьев смотрел на этот след долго. Слишком долго для случайного прохожего. Я чувствовала, как краснею под его взглядом.

— Зря сорвали, — вдруг тихо сказал он. — След останется.

— Это не ваше дело, — огрызнулась я, чувствуя, как на глаза снова наворачиваются слезы. — Шрамы — это личное.

Он наконец убрал руку со стекла. Отступил на шаг назад. Дождь почти прекратился, в лесу стало тихо, только крупные капли тяжело падали с сосновых лап на крышу машины.

— Шрамы заживают долго, Полина Сергеевна, — произнес он, и в его голосе больше не было иронии. Только какая-то вековая, тяжелая мудрость. — Но на свету они затягиваются быстрее, чем под замком. Не прячьте их.

Он развернулся и пошел к своему пикапу.

Я смотрела в зеркало заднего вида, как он забирается в высокую кабину. Его габариты вспыхнули алым, пикап плавно тронулся с места и, обдав мой джип облаком брызг, скрылся за поворотом.

Я сидела в заведенной машине, слушая мерный рокот мотора. В салоне всё еще пахло его табаком и мокрой штормовкой. Моя рука на руле казалась мне чужой.

«На свету затягиваются быстрее».

Откуда он взялся, этот Максим Клементьев? Почему он смотрит так, будто знает всё о моем омшанике, о моих законченных калитках и о моей боли, которую я пытаюсь скрыть за дорогими костюмами?

Я включила передачу и медленно тронулась с места. Впереди были «Светлые Ключи». Впереди была стройка забора.

Впереди была война.

Но почему-то сейчас, после этого колючего разговора на лесной дороге, мне впервые за сутки показалось, что я дышу. Неглубоко, с болью, но дышу.

След от кольца на пальце всё еще горел, но теперь это была не просто память о позоре. Это было место, куда наконец-то попал воздух.

Я прибавила газ. Завтра в восемь утра придет бетон. И я должна встретить его с сухими глазами.

Глава 13(Игнат)

(от лица Игната)

Пружина старого дивана впивалась мне в ребро с тупым, методичным упорством, будто пыталась достучаться до моей совести. Но совести у меня не было — была только ломота в пояснице и дикое, иссушающее раздражение, которое за неделю жизни у Любы превратилось в постоянный фон.

Я открыл глаза и тут же зажмурился от резкого света. На потолке, прямо над головой, желтело старое пятно от протечки, похожее на очертания какой-то уродливой рыбы. В доме Полины потолки были безупречными — матово-белыми, высокими, дышащими прохладой. Здесь же потолок словно давил, опускаясь всё ниже с каждым моим вдохом.

Из кухни доносился невыносимый звук: Нина на полной громкости смотрела мультики про каких-т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.